

Юрий Шевчук

СРЕДИ ВАМИРОВ И ЁЖИКОВ

**ЗЕЛЕНое ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ. ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ.
(с конца 70-х годов прошлого века до наших дней)**

**Санкт – Петербург
2016**

1. Вступление.

Предуведомяя текст, хочу предупредить, что в данном очерке рассказывается только о том, чему автор лично был свидетелем. На фоне собственных наблюдений я хотел представить развитие идеи «зеленого движения» и в Ленинграде советского времени и в современном Санкт – Петербурге.

Хотелось бы, чтобы читатель вместе со мною поразмышлял над тем, как из замечательного семени выросли такие уродливые и в чем-то опасные «зеленые» мутанты, оседлавшие «зеленое движение» в нашей стране и понял, почему это произошло. Если к тому же читатель решит, что лично он сможет сделать, чтобы развитие движения вошло в конструктивное русло, я почту свою задачу выполненной.

Начало. Оперативная работа.

Я участвую в «зеленом движении» с 1979 года. Всё началось с того, что друзья пригласили меня присоединиться к ним во время «Ёлочной Кампании» - оперативного мероприятия, сейчас практически канувшему в небытие, когда студенты – биологи Ленинградского университета, члены «Зеленой Дружины», надев красно-зеленые повязки, патрулировали вокзалы, задерживая тех, кто вез в Ленинград ёлку к Новому Году, самолично вырубленную в лесу.

В СССР дефицитом было всё, и новогодние ели не были исключением. Хотя система лесхозов могла бы завалить Ленинград и другие города страны огромными елями, срубавшимися во время рубок осветления, маленькими ёлками, выращивавшимися в специальных питомниках, ёлками всех размеров, просто сгорающими в кострах во время прокладки дорог или линий электропередач, при отсутствии финансовой заинтересованности никто к этому не стремился. Напротив, дефицит устраивал всех, и то же лесхозное начальство продавало ёлки перекупщикам, фактически выступая в роли браконьеров.

Но кроме перекупщиков, имеющих, хотя и липовые, но всё же какие-то документы, были и браконьеры – индивидуалы, которые везли от одной до двух десятков елей, самолично вырубленных в лесу. Выбирались, естественно, ёлки покрасивее. Промышляли таким варварством в основном цыгане, поэтому студенты – члены «Зелёной Дружины» биолого-почвенного факультета Ленинградского Университета основные усилия направляли на Витебский вокзал, куда приходили электрички из посёлков компактного проживания цыган. Система проверок была устроена следующим образом – несколько групп общественников на электричках забрасывалось на расстояния часа езды от города, там они по очереди садились на едущие в город поезда и проверяли их. Задерживая нарушителей, провозящих ёлки без документов, подтверждающих их покупку в лесхозе, студенты сгоняли нарушителей в один вагон,

посвободнее, стерегли их, не давая выскочить на промежуточных станциях, и, доехав до Витебского вокзала, передавали встречающей группе общественных инспекторов, которую уже сопровождал сотрудник милиции. С каждой электрички ссаживали 10-15 браконьеров. Затем их заводили в специально выделенное нам помещение на вокзале, где общественные инспектора составляли протокол задержания и изъятия незаконно добытой «продукции лесного хозяйства». Протокол затем направлялся в Административные комиссии по месту жительства для взыскания с нарушителя штрафа, который был тем больше, чем больше елей было у того отобрано, но в общем, не превышал половину среднемесячного заработка. Штрафы из-за общей разболтанности советской системы взыскивались редко, и основным наказанием для браконьера становилась потеря ёлки. Ничего подобного в «западном» опыте природоохранной работы не было – во всяком случае, я не встречал коллег-оперативников в числе зарубежных активистов – экологов.

Браконьеры бывали разные – кто-то принимал задержание, как невезение, мысленно расставался с ёлкой и просил только на работу не сообщать – а мы и не собирались такого делать; кто-то предлагал взятку, кто-то лез в драку, а кто-то доставал нож или топор. Так что задержание иногда превращалось в сражение в масштабах всего вагона. Надо сказать, тогда электропоезда не патрулировали сотрудники правоохранительных органов, так что надеялись студенты исключительно на свои силы.

Я упомянул здесь две категории людей – браконьеров и общественных инспекторов. Надо отметить, что социально они не различались. Среди инспекторов было несколько отлично работающих ребят из цыганского гетто; среди браконьеров встречались студенты и люди с высшим образованием. Различие было в культуре и морали этих двух категорий. Лично мне было просто очень жалко живые деревья. Большинство людей, которых я задерживал, этого не понимали – ну, дерево... оно ведь для людей растёт, для народа, не так, что ли? Хотя ему достаточно было поглядеть в зеркало, чтобы понять – не может красавица ель расти двадцать лет, чтобы затем сгнуться на помойке по воле вот этой небритой физиономии. Несправедливо это.

В «Ёлочной Кампании» я участвовал пять зим. До сих пор помню запах еловой хвои, серую грязь пополам со снегом в тамбуре, матерные крики задержанных, свист ветра на открытых платформах станций, вой приближающейся электрички...

С ёлочным браконьерством покончил капитализм. Ёлка перестала быть «дефицитом» и теперь каждый может её купить себе под Новый Год. Теперь нам приходится объяснять людям, почему лучше купить живую, а не искусственную ель, и помогать со сбытом выращенных на плантациях, специально к празднику, молодых ёлочек.

2. «Зеленое Движение» в СССР (до перестройки).

Кто есть кто.

Официально экологические инициативы в СССР направляло и курировало ВООП (Всероссийское общество охраны природы) созданное еще в 1920-х гг. Независимое общественное движение началось в 1958 г., с момента образования студенческих природоохранных кружков.

О начале «Зеленого Движения» в СССР Сергей Мухачев, его активный деятель и зачинатель, пишет так (См. ссылку 1): «В 1958 году возникло два научных кружка студентов, связанных с охраной природы. Если один из них – объединивший студентов Тартуского университета и сельхозакадемии – был целиком направлен на природоохранное самообразование и пропаганду, то второй – в Ленинградской лесотехнической академии – поставил задачу воздействовать на реальную практику ведения лесного хозяйства на основе неистощительного комплексного использования ресурсов леса.

Эти кружки целиком остались в шестидесятых годах. Хотя Тартуский существовал и далее и существует сейчас, он не занял заметного места в Движении ДОП, да и никогда не стремился к этому, ибо специфика работы по охране природы в Эстонии совершенно иная, чем на остальной (вне Прибалтики) части СССР, где разнузданная дикость была и остается нормой жизни как бюрократии всех мастей, презирующей народ, так и самых широких масс населения, ненавидящих эту бюрократию за то, что она лишает их права на грабеж природных ресурсов, какое узурпировала сама».

Я хотел бы, чтобы Вы внимательно вслушались в слова Сергея – действительно, в СССР, как и сейчас, в России, противостояние, в которое встроились «зеленые», было не между защитниками природы и сторонниками технократического пути развития цивилизации. Нет, в нашей стране водораздел проходил между двумя социальными категориями, жаждущими урвать кусочек от природы. Одни уже обладали правом на использование природных ресурсов в силу своего социального или имущественного положения и хотели его удержать; другие возмущались и требовали дать кусочек природы и им тоже. Не знаю, какая позиция является более аморальной. Но уверен, что не стоит помогать ни одной из этих двух категорий. Собственно же сторонников примата интересов природы над человеческими у нас мало и они практически полностью сосредоточены в «зеленых» организациях.

Но вернемся к истории.

В 1960 г. образовалась Дружина охраны природы МГУ, в 1967 г. – «Зеленая дружина» биофака ЛГУ в Ленинграде, с описания действий которой во время «Ёлочной Кампании» я и начал разговор. Название «дружина» объяснялось тем, что правовые основы деятельности дружинников были теми же, что и для ДНД – массового правоохранительного движения в СССР. Кроме удостоверений народных дружинников, члены ДОП (дружин охраны природы), как правило, имели удостоверения общественных инспекторов ВООП, а также ряда других общественных инспекций государственных ведомственных природоохранных структур – Охотинспекции, Лесной инспекции, Рыбохраны, Инспекции охраны вод и так далее. Каждая инспекция занималась чем-то своим и ревностно следила за тем, чтобы «коллеги» не лезли в пределы ее юрисдикции. Но так-как в лесу нарушения бывали обычно комплексные и те же рыбные браконьеры могли еще и срубить пару деревьев для костра, часто бывало необходимо таскать с собой в рейды целый набор «корочек» - так на советском слэнге назывались удостоверения.

Члены ДОП были, в большинстве своем, студентами, то есть молодыми ребятами и девушками лет 18-20, и занимались, в основном, оперативной работой. Теоретически это было весьма рискованно – выходить без оружия на вооруженного браконьера или втроем «брать» целый вагон электрички, полный браконьеров, везущих елки на продажу. На практике все получалось спокойнее, хотя сопротивление ДОПовцам нередко оказывали, много было избитых, и около десятка инспекторов были убиты в рейдах. Сказывалось то, что курировали студентов молодые ученые, тоже прошедшие школу ДОП и понимающие значение наличия «школы» в любой сфере деятельности. Был создан хороший свод правил проведения оперативной работы и поэтому члены ДОП работали и результативнее, и осторожнее иных инспекторов ВООП, в основном – из числа пенсионеров. На начало 80-х гг. прошлого века в Ленинграде и области было 5500 инспекторов ВООП, и они, все вместе взятые, задерживали столько же браконьеров, сколько 50 членов двух ДОП Ленинграда, базировавшихся в ЛГУ и Лесотехнической академии.

Романтики.

В ДОП были замечательные люди. Самые смелые мальчики. Самые красивые девушки. Они, буквально не щадя своей жизни, шли на браконьерские стволы, чтобы защитить прекрасные творения природы. И еще – они были свободны. Пожалуй, максимально свободны, с учетом условий советского общества. Они сами определяли, чем будут заниматься, ехали в рейд не «туда, куда пошлют», а куда сами решили, задерживали браконьеров, не взирая на их должности и звания... Правда, в случае задержания партийных чиновников, начинались давления на ДОП, и пару раз в СССР дружина решала

самораспуститься, нежели «прогнуться» под начальство.... Но все равно – даже самороспуск был благороден, как самоубийство самурая.

В работе ДОП привлекало не только ощущение социальной значимости дела, которым ты занимаешься. ДОП – это был такой образ жизни. Он обеспечивал тебе полное решение проблемы с досугом (свободного времени не оставалось вовсе), хорошую компанию, социализацию в коллективе (особенно важную для иногородних студентов), а также самоуважение и свободный от идеологии канал поступления информации. Члены ДОП не только ловили браконьеров. Они читали многое из того, что не издавалось в СССР, пели песни Галича и Кима, обсуждали у лесного костра то, что не могли бы обсудить в затхлых аудиториях ЛГУ, пропитанных страхом пополам с марксизмом. В общем, такая жизнь нравилась, затягивала, процесс становился главнее цели, и количество задержанных нарушителей постепенно отходило на второй план. Конечно, находились в то время и продвинутые идеологи «зеленого движения», которые говорили, что вот как раз самое важное – это не количество отобранных у браконьеров ружей, а те самые островки свободы, которые создают ДОП. Жизнь показала, что они сделали ставку не на тот слой населения.

Те, кто считал, что главное – свобода мысли и поведения, то есть внутреннее содержание дружинной жизни, были правы в общем, но не правы в данном случае. Потому что жить свободным человеком может лишь тот, кто умеет обеспечить свою свободу материальными ресурсами, то есть – умеет делать дело. Если он просто говорит о свободе, читает книги о свободе, поёт песни о свободе и свободно выбирает себе область досуга, но сам работает на тоталитарное государство и предположить не может, как он без этого государства не умрет с голода – то грош цена такой «свободе». ДОПовцы делать дело не умели. Независимые профессиональные природоохранные организации так и не были созданы на базе ДОП. Их сделали совершенно другие люди.

К сожалению, когда стало возможным создавать уже не островки свободы, а свою свободную страну, выяснилось, что члены ДОП в частности и молодые ученые в целом в основной своей массе не готовы жить на свободе. Они, как ни горько это сейчас осознавать, лишь имитировали тягу к свободе – потому что так было положено «среди приличных людей». Студенты – биологи, как типичные представители научного сообщества, в условиях наступившей свободы, потеряв государственные «кормушки», растерялись. Весь их опыт борьбы с браконьерами не мог им помочь прокормить себя и семью. Они не были в состоянии жить свободными и самостоятельными людьми. Им обязательно был нужен хозяин – в виде заказчика работ. Они могли всего лишь работать на кого-то, обменивая свой труд на заработную плату. Фактически это были пролетарии – только умственного труда. Так что их юношеские

«островки свободы» так и остались в прошлом, не став полноценным материком. Справедливости ради надо сказать, что были попытки создания самообеспечивающихся предприятий на базе ДОП – но все они закончились ничем в лучшем случае. Но об этом я расскажу в следующей главе.

Между тем Советский Союз гнил и разваливался, и нарушителей природоохранного законодательства становилось с каждым годом все больше и больше. Рейды ДОП окончательно приобрели характер демонстрационных акций, не влияющих на положение вещей. Во время «Елочной кампании» на одном вокзале (сил перекрыть все вокзалы у студентов не было) конфисковывалось примерно 500 браконьерских елей – столько же привозил в Ленинград один браконьерский грузовик. Но расширять круг «посвященных» ДОПовцы-биологи не хотели. Дорожили ли своей исключительностью или не верили, что кто-то кроме биологов будет любить природу – не знаю. Скорее, просто не надеялись на то, что где-то есть еще такие же энтузиасты и бессеребренники. Забегая вперед, скажу, что в чем-то они, искусственно сдерживающие развитие дружинного движения, были правы.

Прагматики.

Шёл 1980 год. Малая результативность общественной инспекции ВООП не устраивала молодого и амбициозного в хорошем смысле этого слова сотрудника Леноблгорсовета ВООП Владимира Гущина. В этом он нашел во мне и моих друзьях единомышленников. Мы начали кампанию по тиражированию опыта «Зеленой дружины» ЛГУ – вначале в рамках Университета. Первой созданной нами дружиной стала ДОП физического факультета ЛГУ. Второй – дружина Политехнического института. А дальше процесс пошел сам и к 1981 г. у нас уже было полтора десятка дружин охраны природы с двумя сотнями инспекторов. (Всего в Ленинграде было создано около семидесяти Молодежных дружин охраны природы – МДОП). Теперь на «Елочной кампании» мы могли перекрыть все вокзалы и платформы, сопряженные со станциями метро, установив не один, а два десятка постов. Теперь весной мы полностью перекрывали мобильными группами город и за два года свели на нет торговлю дикорастущими цветами. И наконец, мы открыли настоящую охоту на «пикничников».

О феномене «пикничников» надо рассказать отдельно. Попасть в Дом Отдыха в СССР было трудно, места там были в дефиците; турбаз было мало и они были ведомственными – то есть, чужих туда не пускали. Поэтому около миллиона ленинградцев каждые летние выходные выезжали за город, разбивали палатки, ели, пили и пели песни – а попутно и разводили костры на берегу рек и озер, рубили лапник под палатку, молодые деревца – на колышки для нее, и, уезжая, часто оставляли после себя жестяные банки и пустые бутылки. Эта орда

наносила вред природе, вполне сравнимый с хищничеством крупных браконьеров - лесозаготовителей, просто в силу своей многочисленности. Мы первыми решили устраивать рейды по местам массового отдыха – и за день составляли около двух десятков протоколов на нарушителей. Больше просто не успевали.

К сведению тех, кто считает, что в советское время граждане не мусорили в лесах, сообщая: нарушения были примерно на каждой третьей стоянке.

Планированием и развитием движения занимались единицы, но нарушителей ловить мы выезжали в большой компании. Всех сейчас и не вспомнить, но могу сказать – это были в основном честные и бескорыстные люди.

Как видите, мы все дальше уходили от дружинной романтики, ночных костров и борьбы с охотниками – браконьерами. Хотя бы потому, что до браконьеров еще надо было дойти, а нарушители – вот они, рядом. Планируя дальнейшее развитие движения, мне представилось, что вскоре нам предстоит самим решать проблемы природопользования, а не реагировать на их нерешенность – а решение проблемы зависит от успешного комплексного, разностороннего подхода к ней. Так мы выработали модульную схему, благодаря которой любое частное лицо или общественная организация, если будет в состоянии по своим интеллектуальным, кадровым и финансовым возможностям следовать предлагаемому алгоритму действий, сможет решить любую общественную проблему – что природоохранную, что иную. Наверное, по этой схеме можно было даже планировать революции – не знаю, не пробовал.

Схема пережила советскую власть и не устарела. Я до сих пор использую ее при обучении молодых активистов зеленого движения. Смысл схемы – в скоординированной работе по всем возможным для общественной организации направлениям деятельности – и оперативной работе, и пропаганде, и научной деятельности, и лоббированию в органах власти, и технической работе по восстановлению нарушенного природного равновесия.... Разумеется, это требовало высокой квалификации сотрудников «зеленых» организаций. Так был положен переход к профессионализации движения.

Наверное, надо было заметить следующее. Я считал, и продолжаю считать, что каждый гражданин страны является носителем властных функций. Ему не надо подтверждать их на выборах депутатов или карьерным ростом. И работа в сфере охраны природы для меня была актом прямого действия в управлении государством. Наши группы фактически заменяли собой правоохранительные органы, то есть отбирали у них монополию на принуждение и насилие. Наши инспектора, подолгу работающие на местности, постепенно становились альтернативными официальным авторитетами,

социальными медиаторами, к которым начинали обращаться за помощью в разрешении любых конфликтов. В мечтах я видел, как в перспективе почти все функции государства отойдут к общественным или профессиональным объединениям. Собственно, я и сейчас считаю, что будь у человечества побольше времени, система общественного управления обрела бы плоть и кровь. Но, к сожалению, в современной России возобладала партийная система и теперь возможность участия в управлении обществом стало нужным подтверждать количеством проголосовавших за тебя «простых людей». Мне кажется, это унижительно для двух сторон – и для того, кто вынужден заигрывать с массами, и для масс, вынужденных делегировать свои права избранному лицу.

Схема воздействия на ситуацию, придуманная нами, была хорошей. Но общая апатия на исходе советской власти, тотальное неверие в то, что от одиночки что-то зависит, мешало ее осуществлять. Чем-то то время похоже на нынешнее...

К тому же общегосударственное «завинчивание гаек», совпавшее с уходом из движения поколения 1960-х, ветеранов борьбы с браконьерством, и проникновение в СССР докладов Римского Клуба, показавшего пределы роста цивилизации, привело к кризису движения. Зеленые одними из первых на планете столкнулись с проблемой исчерпанности будущего. Как и для чего жить, если будущего нет? На этот вопрос «зеленое движение», еще отравленное оптимизмом коммунистической идеологии, ответить, конечно же, тогда не могло. Должны были пройти десятилетия...

Вы можете спросить, почему понимание отсутствия будущего возникло после докладов Римского Клуба, а не после, например, публикации на русском языке работы Тейяра де Шардена, где впервые постулируется невозможность развития при условии осознания человечеством тупиковости своего пути? Не откажу себе в удовольствии привести замечательную цитату из книги П. Т. де Шардена.

«Завтра?.. Но кто нам может гарантировать завтра? А без уверенности, что это завтра будет существовать, можем ли мы продолжать жить, когда у нас, может быть, впервые в универсуме пробудился ужасный дар смотреть вперед?

Недуг тупика — мука чувствовать себя замкнутым!..

На этот раз мы угадали, наконец, больное место.

Человеческое общество, в котором мы живем, сказал я, стало специфически современным оттого, что вокруг него и в нем открыта эволюция. Нынешних людей беспокоит, могу теперь я добавить, то, что они не уверены и не надеются когда-нибудь быть уверенными в исходе, *надлежащем исходе* этой эволюции.

Но каким должно быть будущее, чтобы мы имели силы нести его бремя и согласились, даже радостно, с его перспективами?

...с первым проблеском мысли на Земле жизнь породила силу, способную критиковать ее саму и судить о ней. Ужасная опасность долго дремала, но вспыхнула с нашим первым постижением идеи эволюции. Как сыновья, ставшие взрослыми, как рабочие, ставшие «сознательными», мы начинаем открывать, что нечто развивается в мире через посредство нас, может быть, за наш счет. И, что еще важнее, мы замечаем, что в этой великой игре мы одновременно игроки, карты и ставка. Никто не продолжит ее, если мы уйдем из-за стола. И ничто не может заставить нас остаться за столом. Стоит ли играть или мы обмануты?.. Вопрос еще едва сформулирован в сердце человека, за сотни веков привыкшего «маршировать». Высказываемый еще шепотом, но уже различимо, вопрос неизбежно предвещает близкие раскаты. Предшествующий век ознаменовался первыми систематическими забастовками на заводах. Будущий, безусловно, чреват угрозой забастовки в ноосфере.

Элементы мира, отказывающиеся ему служить, потому что они мыслят. Еще точнее, мир, увидевший себя посредством мышления и потому отрицающий самого себя. Вот где опасность. Под видом нынешнего беспокойства образуется и нарастает не что иное, как органический кризис эволюции».

Действительно, понимание того, что существование людей зависит от постоянного разрушения природной среды и убийства миллионов других жизней, приводит к естественному пониманию аморальности мироустройства, что, собственно, соответствует такому же пониманию в большинстве философских системах и религиях. И, разумеется, совершенно не хочется работать, чтобы такой мир и дальше продолжал существовать, чтобы довольно неприятные существа продолжали жить за счет других, выглядящих красивей и благородней, только потому, что одни в ходе эволюции оказались наделены разумом, а другие остановились на предшествующем витке развития.

Подробнее о том, какой ответ был найден на этот вопрос, я расскажу в эпилоге. Но пока нам следует вернуться назад и посмотреть, в какой общемировой обстановке происходило то, что я описывал. Итак, вернемся в 1972 год...

Немного о конце света: первые признаки.

На мой взгляд, конец света уже состоялся - где - то в 1972 - 1973 годах, дата не совсем точна из-за несовершенства подсчетов. С тех пор мир продолжает жить по инерции, без смысла и будущего. Хотя можно назвать и точную дату, после которой прежний миропорядок

осознал себя обреченным - 12 марта 1972 года, когда в Вашингтоне, в Смитсоновском институте, публике была впервые представлена книга “Пределы роста. Доклад Римскому клубу” молодого профессора Денниса Медоуза.

Основную мысль данной работы можно было выразить так: при сохранении нынешних тенденций к росту в условиях конечной по своим масштабам планеты в течении примерно столетия человечество достигнет пределов демографической и экономической экспансии, что приведет систему в целом к неконтролируемому кризису и краху. Человечеству впервые были поставлены математически обоснованные пределы.

Вывод доклада, что конечность размеров планеты с необходимостью предполагает и пределы человеческой экспансии, шел вразрез с преобладающей тогда в мировой культуре ориентацией на бесконечный рост и казался некоей игрой ума, предупреждением об опасности, столь же далекой, как новый ледниковый период или остывание Солнца. Тогда никто не хотел видеть, что “схлопывание” пространства уже началось, и “пределы” человечеством уже достигнуты. Но всего за год понимание конечности существования нынешней цивилизации овладело сознанием всей мыслящей элиты цивилизованного мира. Тому способствовали следующие события.

В 1972 году произошел теракт на Олимпиаде в Мюнхене. Группа арабских террористов захватила израильских спортсменов. Немецкая полиция оказалась совершенно не подготовлена к подобным событиям. В ходе крайне неудачной попытки освобождения все заложники погибают. Так европейцы на своей земле впервые встретились с опаснейшим врагом, ненавидящим весь цивилизованный мир. Космополитическому единству мира был нанесен первый удар. Спустя месяц в СССР скончался писатель, автор великой коммунистической утопии “Туманность Андромеды” Иван Ефремов. К тому времени Советский Союз уже фактически отказался от построения коммунизма и перешёл к строительству социалистического “общества потребления”. В этом он изначально проигрывал Западу - капиталистический способ хозяйствования такое общество давно создал. С Иваном Ефремовым умерла последняя великая утопия.

В 1973 год начался экономическим спадом по всему миру. Заканчивается Вьетнамская война. Впервые войска западных демократий терпят окончательное военное поражение. Практически одновременно США свертывают лунную программу. С тех пор ни

один землянин больше не ступал на поверхность иного небесного тела. И наконец, происходит “война Судного дня” между арабскими государствами и Израилем. Если бы не семь танков Ариэля Шарона, форсировавших Большое Горькое озеро в тылу наступающих египтян; если бы не стойкость танкистов роты “Тигр” капитана Замира, которые, имея по два снаряда на танк, смогли остановить наступление сирийцев - исход войны мог бы быть иным. Но арабские страны потерпели поражение, ввели эмбарго на поставки нефти в цивилизованный мир – и тот увидел репетицию осуществления прогнозов Медоуза. Цена на нефть за месяц выросла с 2,9 доллара за баррель до 11. Бензин в США дорожает в четыре раза, но его все равно не хватает и вводится нормирование разового отпуска - 20 литров. (После иранской революции аятоллы Хомейни цены на нефть вырастут ещё в два раза). Топливный кризис сделал экономически рентабельными поставки нефти в Европу из Сибири. За пятилетку добыча нефти в СССР увеличилась в пять раз, и нефтяное изобилие поменяло всю жизнь страны. С тех пор доля экспорта советских, а позже - российских машин и оборудования неуклонно падала, а сырьевых ресурсов - росла. На вырученные доллары страна покупала себе практически всё остальное. “Развитие на арабский манер” поставило крест на попытках России войти на равных в круг цивилизованных стран.

12 сентября произошел военный переворот в Чили. Последние надежды левой интеллигенции на демократический социализм погибли вместе с Альенде.

В октябре 1973 года Римский клуб провел в Токио встречу на тему “Глобальное видение человеческих проблем”, завершившуюся представлением “Доклада в Токио” Манфреда Зибкера и Йоши Кайм, в котором содержатся следующие знаменательные слова: “Есть основания предполагать, что кризисы в социально-экономической и политической областях произойдут даже раньше, чем мы достигнем физических пределов роста. Энергетический кризис – лишь первый из целой серии вполне предсказуемых событий. И если оставить в стороне случайные элементы, то главная причина кризисов не вызывает ни малейших сомнений: мир никогда уже не будет прежним”.

В эти годы человечеством был перейден предел экологической емкости Земли. Количество природных ресурсов, потребляемых человечеством, перешло порог, за которым началось необратимое истощение планеты.

Конец света начался под музыку Нино Рота из фильма “Амаркорд”, вышедшего на экраны в том же 73-ем. Этот фильм стал “подведением итогов” для последнего поколения европейцев, выросших в мире, у которого ещё было будущее.

3. «Зеленое Движение» в СССР во времена перестройки.

Предвестники кризиса.

Мне всегда было более интересно разрабатывать схемы общественного участия в жизни государства, чем воплощать их в реальность. По мере роста гипертрофированности оперативного направления в «зеленом движении», сопровождающегося дальнейшей деградацией среды обитания, становилось ясно, что если положение не изменить, то вскоре в движении останутся только те, кто в силу малого интеллекта не может осознать это противоречие. В дальнейшем они просто пошлют подальше высоколобых теоретиков и будут бродить по лесам, собирая взятки с нарушителей. (Подробнее об этом – в книге «Сказки темного леса», о которой я ещё расскажу). Требовались иные кадры для движения, иной вид общественного участия.

Поначалу я возлагал большие надежды на туристов – людей, в свободное время от основной, чаще всего – инженерной, работы любящих ходить по лесам и долам огромной страны с рюкзаком, ощущая себя свободными и независимыми. Из них выделялась высшая каста, профессиональные туристы, когда-то получившие звания «мастер спорта» и перешедшие к профессиональной работе по обслуживанию этого самого массового из независимых в советское время движений. Действительно, там были и сила, и стихи, и песни свободы под гитару у ночного костра, и определенные финансовые ресурсы, и некоторое количество профессионалов, то есть «освобожденных работников» социального движения. (Освобожденными работниками в СССР называли общественных работников, освобожденных от производственной работы). Но опыт показал, что я переоценивал возможности этого социального движения. В его основе лежал эскапизм – как и в других подобного рода движениях советского периода, состоявших в основном из очень усталых и запуганных людей, например, «движении КСП (клубов самодетельной песни)». Собственно, они хотели одного – чтобы государство как можно меньше их трогало. В обороне своего маленького мирка они были сильны – но время требовало наступательных действий. Сейчас туристов стало на порядок меньше, а те, которые остались, требуют не охранять природу, а, скорее, своей доли в её расхищении властными структурами. Это особенно

заметно на примере борьбы против «огораживания» берегов рек и озёр. Подробнее об этом – в главе «Зеленое Движение после 2000 года».

В самом начале перестройки появилось движение «добровольных помощников» государственных структур – в основном помощников реставраторов исторических памятников. Но были и такие, что убирали мусор по лесам, в местах массового отдыха населения. Я и сам поучаствовал в трех-четырёх таких коллективных уборках, чтобы понять, есть ли тут перспектива по развитию общественной инициативы. Мне показалось, что это тупиковый путь. Люди, участвующие в таких «субботниках», очень быстро начинают замечать, что мусора не убавляется и на полупьяных пикничников их пример что-то не слишком положительно действует. И тогда они либо переходят к оперативной работе, либо просто бросают это дело.

Интересным показалось мне следующее наблюдение. С уменьшением риска в занятиях социальной деятельностью – а убирать мусор по лесам, естественно, менее рискованно, чем отбирать ружья у браконьеров – падал средний интеллектуальный уровень активистов. Да что там интеллектуальный уровень – даже внешне разница была заметна. В движение «добровольных ассенизаторов» приходили в основном люди с внутренними проблемами, ищущие в первую очередь круг общения, недовольные собой и своим окружением, но не имеющие сил что-то из этого кардинально поменять. Они шли в основном «за разговорами с единомышленниками», не понимая, что даже единомышленникам они не будут интересны.

Зараза «волонтёрства», как самого простого пути почувствовать себя социально активной личностью, оказалась очень сильна.

Определённое общественное внимание приобрела тогда ещё одна разновидность эскапизма – отъезд «в деревню», желание слиться с землей и природой, потреблять поменьше, выращивать продукты своими руками.... Когда это происходило из-за элементарного голода, охватившего города СССР на исходе советской власти, или из-за понимания невозможности вырастить здоровое потомство в пределах городской черты, это было понятно. Но часто это было просто позой, желанием видеть себя лучше, чем есть. Получалось наивно и глупо. Счастье улыбнулось тем, кто не продали свои городские квартиры, чтобы начать жизнь в деревне с чистого листа – им было, куда вернуться.

Такое движение следует отличать от движения экопоселений, где люди пытаются совместить интеллектуальный и крестьянский труд и добиваются в этом больших успехов. Одно из таких экопоселений находится в Ленинградской области и действительно вносит большой вклад в дело охраны окружающей среды. (См. ссылку 2.).

Перестройка.

В 1986 г. мы участвовали в работе Центра творческих инициатив. Его придумал и практически в одиночку создал Сергей Пилатов, тогда – сотрудник горкома ВЛКСМ. Ему помогали работающие там же Светлана Агапитова, Алексей Измайлов, Любовь Абрамова и сотрудник обкома ВЛКСМ Владимир Ульянов. В Центр мы смогли привлечь практически все творческие и общественные силы, подходившие тогда под определение «неформалов» (тогда так называли все независимые от идеологического контроля КПСС общественные группы), в частности – группу «Спасение памятников истории и культуры» под руководством Алексея Ковалева, ныне – видного ученого и депутата Законодательного собрания Санкт-Петербурга многих созывов. Я создал группу «Бюро экологических разработок». Главной нашей разработкой было решение кадрового вопроса «зеленого движения», но об этом, естественно, я никому не говорил. Мы пытались объединить культурные инициативы и борьбу за охрану природы, но эксперимент вышел неудачным. Большого успеха на этом поприще достиг Алексей Лушников, тогда фактически возглавлявший созданное Даниилом Граниным общество «Милосердие», сумевший привлечь к своей работе творческие и богемные круги Ленинграда. Эксперимент с БЭР изжил себя где-то в году 1988, но Бюро продолжало по инерции функционировать до 1993 г.

Между тем начались попытки создания Партии зеленых. В Ленинграде этим занялись комсомольские активисты, в Поволжье – анархисты, в том числе – Сергей Фомичев, живущий сейчас в Киеве и пишущий хорошие фантастические романы. Мне всегда казалась странной политическая деятельность «зеленых». Вначале, наверное, следовало бы определить социальную базу партии и решить, почему любители природы решат за нее голосовать.... Как бы то ни было, все попытки политической деятельности «зеленых» оканчивались набором 2% голосов на республиканских выборах. В то же время «зеленое движение» явно имело политический потенциал. Оно вообще было самой отмобилизованной частью гражданского общества позднего СССР.

Я решил поставить эксперимент в общероссийском масштабе и этот потенциал раскрыть. Для чего запланировал посетить как можно больше российских городов, встретиться лично с местными «зелеными» лидерами и убедить их развернуться лицом к политической жизни, используя как трамплин, любую более-менее близкую по духу политическую силу, не дожидаясь успеха «зеленых политиков». На подготовку эксперимента ушло два года. С самого начала было понятно, что перелеты и пребывания в гостиницах отпадают – я бы хотел ездить с командой, но далеко не везде можно было найти ночлег для всех, не говоря уже об аудиториях для встреч, и объехать за одно

путешествие 40 городов было бы очень тяжело физически. К тому же вначале надо было договориться, чтобы нас ждали, а значит, посылать впереди себя еще одну группу... Выходом стало использование комсомольского агитационного поезда. Вообще-то в СССР их было три. Мы использовали один, самый лучший, усилив его вагоном из второго поезда. Итого в составе получилось 12 вагонов, не считая передвижной дизельной электростанции (далеко не везде в Советском Союзе железные дороги были электрифицированы). Наша команда разместилась в двух жилых вагонах, каждому было предоставлено одноместное купе. Еще в двух вагонах размещался экипаж поезда. Также в поезде был бытовой вагон с душем, сауной, прачечной и лазаретом, вагон-ресторан, вагон-видеосалон, вагон-лекторий, вагон-салон для переговоров, вагон-спортзал с тренажерами, вагон-библиотека, вагон-клуб, где проводились дискотеки по выходным... Я очень благодарен и экипажу этого поезда, и участникам нашего путешествия – в особенности, бардам Александру Черкасову, ныне, к величайшему сожалению, покойному, и Валерию Куранову из творческого объединения «Этап». Мы ездили на этом поезде три раза – две поездки были пробные, в 1990 г.; одна – полномасштабная, от Мурманска до Ташкента, в 1991 г. сквозь разваливающуюся страну, сквозь тяжелую ненависть, уже захлестывающую людей, мимо пустых полок магазинов, мимо сепаратистов, мимо растерянных партаппаратчиков...

Везде меня, как приехавшего из “центра”, хорошо принимали и с гордостью показывали производственные успехи. Выходило и вправду, что каждым в отдельности предприятием можно было гордиться. Но вот вместе...

Огромные угольные карьеры Казахстана давали топливо для величайших теплоэлектростанций Азии в Экибастузе; далее электричество шло по трансконтинентальной линии на Урал, где на мощнейшем металлургическом предприятии в Магнитогорске, у практически скрытой до основания знаменитой горы, рабочие в декорациях Дантова Ада делали отличную броневую сталь. Затем, уже за Уралом, сталь превращали в танки. Танки отправляли нашим друзьям на Ближний Восток. Друзья создавали международную напряжённость и повышали цену на нефть. Нефть из - под Тюмени продавали в Европу; вырученную валюту отправляли в Канаду; там закупали пшеницу и из неё делали макароны для казахстанских горняков и тюменских нефтяников.

Страна, запускающая космические корабли, не умела пошить нормальные штаны, и джинсы закупались за границей...

Прошло двадцать лет; сменилась страна, но не система хозяйствования.

И вновь, как и тогда, мы ожидаем кризис, связанный с падением спроса на сырьё, и вновь - одна надежда на то, что сомалийские пираты перекроют - таки Баб-эль-Мандебский пролив и баррель поднимется с колен...

К счастью, если бы всё было только так, не стоило бы и говорить об этом. Многие примеры дают мне уверенность в том, что наш народ может жить своим трудом и выпускать конкурентоспособную продукцию. Назову хотя бы центрифуги для обогащения урана, уникальный и непревзойденный в мировой практике продукт отечественного производства. По роду своей деятельности я часто встречаюсь с массой замечательных людей – ученых, изобретателей, производственников и менеджеров, и знаю, что у нашей страны есть огромный научный потенциал. Просто рассказ об успехах выходит за рамки данной работы.

Встретившись с массой «зеленого» люда и проследив за их последующими действиями, я смог «на выходе» констатировать, что в выборах начала 1990-х наши люди участвовали, и многие победили и вошли во власть. Правда, впоследствии они из этой власти были в большинстве своем вытеснены – но это уже другая история.

В 1988-1989 гг. были созданы два общероссийских движения – «Российское зеленое движение» и «Социально-экологический союз». Второе основывалось на проверенных «дружинных» кадрах, то есть выпускников биологических факультетов Университетов страны, прошедших школу оперативной работы в Дружинах охраны природы. Я был на первом съезде СоЭС. Мне показалось эта инициатива не интересна – сразу были видны и достоинства, и недостатки вновь создаваемой организации... СоЭС существует и по сей день – даже перешел в разряд международной организации. Правда, о нем мало кто слышал...

Куда как большой потенциал я увидел в Российском Зеленом Движении, куда меня пригласил его основатель Олег Максимович Попцов. Тогда он работал главным редактором журнала «Сельская молодежь». Из природоохранных мероприятий за этим журналом числилась всесоюзная экспедиция «Живая вода», действительно, очень стоящее дело. РЗД не замыкалось на учёных-биологах, там был широкий спектр социальных активистов.

Первый съезд мы готовили в течении года и собрали довольно хорошую команду со всей страны. В руководстве РЗД были, ставшие впоследствии известными политиками, такие люди, как Е.Т. Гайдар и В.И. Данилов-Данильян. У РЗД было хорошее лобби во властных структурах России. В общем, мы уже тогда понимали неизбежность обрушения Союза и перехода всей полноты

власти в руки республиканских органов. Плохо было то, что как только это произошло, московские кадры РЗД пошли во власть и практически (кроме Данилова-Данильяна, ставшего министром охраны окружающей среды и природных ресурсов РФ) больше не занимались экологией. О.М. Попцов стал руководить ВГТРК, и ему также было очень сложно заниматься РЗД. Движение просуществовало до середины 1990-х, было выпущено много теоретической литературы, выходил журнал «Евразия», где я регулярно печатался, под руководством Виктора Ярошенко (сейчас Виктор Афанасьевич выпускает журнал «Вестник Европы») – в общем, у меня остались о работе в РЗД хорошие воспоминания.

В провинциях дело обстояло примерно так же. В Екатеринбурге активист движения зеленых Николай Калинин стал председателем Екатеринбургского областного совета Всероссийского общества охраны природы и депутатом Екатеринбургского облсовета, в Уфе – активист движения Николай Смотров становится депутатом горсовета и заведующий отделом охраны природы мэрии; в Саратове – председатель клуба "Эколог" Николай Макаревич стал председателем облсовета, в Орске – "зеленый" Виктор Крамарь стал председателем горсовета, в Оренбурге – лидер "Зеленого комитета" Тамара Злотникова стала председателем Областного комитета охраны природы, затем – депутатом Госдумы РФ.... Но эти успехи были недолгими.

В конце 1980-х гг. "Зеленое движение" вырвалось из рамок студенческих дружин и приобрело опыт успешной работы. По наиболее мощным организациям Движения – в Мурманске, Петербурге, Херсоне, Киеве, Нижнем Новгороде, Казани, Уфе, Саратове, Волгограде, Липецке, Екатеринбурге, Оренбурге, Красноярске, Березниках, Алма-Ате, Пятигорске, Киришах, Новомосковске – мы имели значительное количество выигранных дел, заключающихся в прекращении (или предотвращении) локальных или региональных кризисных явлений в окружающей среде.

Движение получило идейных и практических союзников в лице Лиги зеленых партий, Ассоциации движений анархистов и московской организации Российской партии зеленых. Движение имело в своем распоряжении кадры, руководящие региональными отделениями, производственными и коммерческими структурами, информационной сетью, агентами влияния и так далее. Но в то же время мы видели вокруг быстрый рост темпов ухудшения состояния окружающей среды, объективную невозможность изменить это положение, отсутствие материально-технических возможностей для предотвращения деградации окружающей среды на территории страны. Видя, что обещания "зеленых", данные ими в ходе, например, предвыборной борьбы, не выполняются, общественное мнение начало отказывать "зеленым" в поддержке.

Пока шли заседания общероссийского масштаба, а я размышлял над дальнейшей судьбой «зеленого движения», в стране, в полном согласии с ленинским тезисом о «революционном политическом творчестве масс» шло кипение и бурление. Кроме местных инициатив, вызванных серьезными причинами, таких как остановка по требованию экологов производств в Киришах, Приозерске, Выборге, поднялось очень много пены. Любое собрание экологов осаждали ходящие почему-то босиком бородатые мужички, дамочки в развевающихся хламидах, увешанные фенечками подростки, сумасшедшие велосипедисты и иные поклонники здорового образа жизни.... Вся эта пена исчезла в 1992 г., когда с либерализацией цен и началом инфляции даже городские сумасшедшие сразу поумнели. Но инфляция ударила и по нашим еще не устоявшимся структурам. Фактически половина местных организаций, с которыми я общался во время своих поездок по России, за 1992-93 гг. прекратила свое существование.

Не всё массовое движение было «пенной». Очень часто люди выходили на улицу от отчаяния. Показательный пример – город Кириши, где произошли одни из первых в России массовых выступлений за закрытие экологически опасного производства. Мишенью общественной критики стал Биохимический завод, который производил дрожжевую подкормку для скота, оказавшуюся сильным аллергеном. После вспышки заболеваний у детей, вызвавших как минимум смерть одного грудного ребенка, колонна протестующих против завода вышла в праздник 1 мая на центральные улицы этого небольшого городка. Борьба против Биохимзавода, которую возглавил местный активист, почтальон Владимир Васильев, окончилась победой населения. Кстати, то, что это произошло за два-три года до того, как этот завод закрылся бы от экономических причин в ходе перестройки, не только спасло жизни детей, но и дало возможность плавно перепрофилировать завод, не потеряв ни рабочие места, ни производственные мощности.

Массовые акции, которые проводило радикальное движение «Хранители Радуги», в основном представляли собой палаточные лагеря протеста на местах строительства объектов, по мнению участников движения, опасных для природы – атомных станций, например. В конце восьмидесятых в эти лагеря съезжался народ со всей страны, и напоминало это, скорее, Вудсток, чем лагерь политического протеста. В начале нового века это движение практически прекратило существование. Немаловажную роль здесь сыграло проникновение в Россию Гринпис. Сравнение отечественных радикалов с зарубежными часто было не в пользу отечественных. Дело было не в идеологических основах или стойкости поведения. Здесь как раз «Хранители Радуги» от «Гринпис» выгодно отличались. Дело было в материальном обеспечении. Внешне «Гринпис» напоминал регулярное войско, а «Хранители Радуги» - местное ополчение. То,

что ополченцы дрались храбрее международных наёмников, тогда мало кого интересовало.

4. Зеленое движение в России до 2000 года.

Дети капитана Гранта и птенцы Джорджа Сороса (часть первая)

С открытием границ и свободной конвертацией рубля «зеленое движение» разделилось на два направления. Кто-то продолжал работу в России; а кто-то поставил своей целью как можно меньше времени находиться на исторической родине, и пользовался любыми приглашениями с Запада, лишь бы только поехать туда «за счет принимающей стороны». К тому же много зарубежных фондов давали гранты на «обмен опытом», на участие в конференциях, семинарах, и так далее.

Образовался целый слой людей, живущих с грантов. При этом они брались за любое дело – лишь бы под него можно было бы получить средства. Они были готовы смешно одеваться – в «западном» стиле, ездить в нашей северной стране на велосипедах и не носить одежду из натурального материала... Человек, обладающий приличным костюмом и знанием английского, мог спокойно жить в столицах только с «презентацией», сопровождающихся обычно фуршетом.

Обезьянничание доходило до смешного. Тогдашний лидер финских «зеленых» никогда не скрывал своей нетрадиционной сексуальной ориентации – и в Питере образовалась группа «зеленых», бравировавших своим гомосексуализмом (о чем писала даже городская газета «Смена» в статье «Охрана природы в зелено-голубых тонах»). Видимо, это помогало им получать финские гранты. Этот эпизод «зеленого движения» хорошо отражен в книге «Сказки темного леса» (См. сноску 3.).

Я неоднократно говорил об опасности подсесть на иглу грантов; о том, что это вызовет отторжение «зеленых» от местных сообществ, в чьих интересах и на чьи деньги и должны работать «зеленые» организации... Впрочем, лучше послушаем доктора наук, социолога Олега Яницкого, много лет изучавшего «зеленых». Вот что он пишет по поводу проникновения в Россию западных экологических организаций и фондов (См. сноску 4).

«Скажем сразу: вестернизация, в том виде, в котором она происходила в те годы, была на 9/10 вынужденной. Два мощных процесса шли в эти годы рука об руку. Первый – это ухудшение национального контекста. Во всех трех странах многие достижения по снижению экологического риска, достигнутые в результате массовых протестных кампаний 1987–91 гг., были сведены к минимуму. Те немногие экополитики, которым на волне демократического подъема удалось войти в высшие властные структуры (общесоюзный парламент

и др.), были вытеснены оттуда или вынуждены были сменить политическую окраску. В государственной поддержке зеленым было отказано. Для большого бизнеса они были только помехой. В конечном счете, зеленые были социально и политически маргинализированы. Все это буквально выталкивало защитников среды из процесса реформ.

Второй – это вторжение армады богатых экологических и иных миссионеров с Запада. Это были мощные государственные и общественные организации, десятки частных и общественных фондов, представительства международных экологических организаций, «сетевые структуры» и бесчисленное количество отдельных «инициатив». Даже посольства некоторых европейских стран имели свои программы «малых грантов» для поддержки экоНПО. Чтобы выжить, эти НПО вынуждены были искать ресурсы и защиту на богатом и стабильном Западе. Опасность внезапного открытия «границы», государственной и ментальной, была осознана много позже, когда ситуация стала практически необратимой. Это – о ситуации в целом. Теперь о плане социальном, где, как представляется, выигрыш зеленых был наибольшим. За прошедшее десятилетие *тысячи активистов прошли западную школу*. Они научились работать по западным стандартам, интегрировались в сети западных (национальных и международных) экологических организаций, овладели искусством «фандрайзинга». Чем спасли себя и свое ближайшее окружение от нищеты и безысходности, их разрушительного воздействия на личность и психику человека. Если говорить об экоНПО, то, они помимо финансовой помощи и доступа к информационным источникам, получили дополнительный социальный капитал в виде престижа и имиджа как «респектабельных и ответственных». Основой их благополучия тогда был постоянный приток западных ресурсов в виде денег, оборудования и социальных технологий».

Яницкий совершенно прав, но забывает указать, что рассказывает о незначительной доле «зеленых» организаций – хорошо, если 10% от их общего количества. Из сорока пяти известных мне в середине 90-х годов «зеленых» организаций Петербурга получали иностранные гранты всего семь; в провинциях дело обстояло ещё хуже (или лучше, на мой взгляд). Группы «местных инициатив», группы «одной цели» грантов практически не получали; даже заявок на них не подавали. Между тем именно они и делали основную «зеленую» работу в стране. Зато пропагандистский шум вокруг своей деятельности организовывали именно получатели «западных» грантов. На реальную ситуацию в стране это никак не влияло. Напротив, этот пропагандистский шум на иностранные деньги посеял те семена ненависти к «зеленым» прозападным организациям, которые бурными всходами взошли уже в наше время. (Забавно, что одна из зарубежных грантовых программ

называлась «Семена демократии». Её воплощение стало примером, как неудачные исполнители могут погубить любое благое дело.)

Оказалось, что западных грантодателей очень легко обмануть. Достаточно вести себя, как они, говорить то, чего они хотят услышать, одеваться, как они – и готово, шанс на получение денег, с которых можно безбедно жить пару лет, уже есть. А отчеты о грантах в основном были формальными.

Повторилось то, что уже было у нас в советское время. Тогда многим казалось, что самостоятельность и независимость ДОП были их главными успехами, а количество задержанных нарушителей и конфискованных ружей – вторичными показателями. Но если человек не умеет делать своё дело – то разве не грош цена всем его благим намерениям? Мне кажется, это просто служило оправданием осознания невозможности что-то реально изменить методами советского репрессивного аппарата. В середине 90-х приехавшие в страну «миссионеры демократии», как мне виделось, тоже хотели в первую очередь создать в России слой населения, продвигающий в общественном сознании западные ценности. Увы, они выбрали явно не тех, кто был способен внушить уважение к западным ценностям. Те, кого они выбрали, «средние» получатели грантов, и к себе-то уважения вызвать не могли. Причина этого была проста – не может вызвать уважение и стать примером человек несамостоятельный, наёмный работник, человек подражающий, пусть даже хорошему образцу. Нельзя уважать ландскнехта.

Еще цитата из Олега Яницкого: «Что потеряли? Прежде всего, *независимость*, которой они (члены «зеленых» организаций – Ю.Ш.) обладали, будучи членами неформальных инициативных групп и общественных организаций. Мои опросы 1987–91 гг. неизменно свидетельствовали, что главными мотивами социального действия экологов советской эпохи были *самоорганизация и самореализация*. Дружинное движение строилось и мотивировалось снизу и изнутри, несмотря на куда более узкий, по современным меркам, коридор его социально-политических возможностей. Дружинное движение тем и отличалось от официозных общественных организаций, что в нем практически не было комплекса «старшего» и «младшего» брата. В 1990-х гг. зависящие от западных доноров экологические ячейки во всех трех странах страдали комплексом «младшего брата».

Хуже, с моей точки зрения, было другое. Зеленые *теряли перспективу*, а иногда и цель своей деятельности. Формат очередного «проекта», жестко ограниченный временными и ресурсными рамками, приучил активистов действовать теперь лишь короткими перебежками (от заявки до отчета), не позволяя большинству из них мыслить стратегически, ставить перспективные проблемы. Такое «выживание» очень скоро обернулось для лидеров многих экологических ячеек отказом от самостоятельной постановки проблем,

ограничением рутинной работы «от сих до сих». Собственно говоря, в замкнутых на выполнение грантов малых группах произошло то же, что и в большом обществе: постоянная нужда в деньгах, необходимость следования обязательствам и правилам игры, устанавливаемыми международными финансовыми организациями, постепенно вытесняла творческое общение, а вместе с ним и потребность в духовной (идеологической) активности, которая всегда была присуща интеллигенции, этому авангарду экологического движения, на всем пространстве страны.»

Но ведь были организации, принципиально отказавшиеся получать западные гранты – как наша, например, и многие другие. Сейчас большинство «зеленых» организаций России (наверное, 90%) живут на местных ресурсах, работают в интересах местных сообществ и ни разу не подавали заявку на получение ни западных, ни отечественных государственных грантов.

Корни травы

Рассказывать об инициативах малых «зеленых» организаций можно долго. Я вспоминаю замечательную детскую организацию «Непоседа», проводящую детские научные экспедиции и летние лагеря; изучение малых рек школьными научными экспедициями; массу семинаров и конференций, проводимых опять-таки школьниками – «зелеными»... Малые экологические группы действуют во всех районных центрах России, во всяком случае, там, где есть экологические проблемы. Ни один крупный ВУЗ не обходится без дюжины экологических активистов из числа студентов и преподавателей. Вспоминаю я и добровольцев-пожарных, помогающих тушить лес, которые по сигналу колокола готовы в любой момент выйти на противоборство с огнём, чтобы защитить и собственные дома, и деревья вокруг них... Подавляющее большинство этих природоохранных групп никак не структурировано, они не записаны в реестры и не имеют свидетельства о государственной регистрации. У них нет счета в банке и сайта в Интернете (разве что страничка в социальной сети ВКОНТАКТЕ). Количество их трудно подсчитать – но оно явно больше, чем две тысячи, и объединяют они примерно полмиллиона моих соотечественников. Они больше чем заслужили помощь от благотворителей. И совершенно ясно, что до них эта помощь не дойдет никогда. Потому что на её пути встанут профессиональные грантополучатели.

Системный кризис в «зеленом движении» проявился не только появлением «грантоедов». Рассмотрим, как происходил процесс осознания причин экологического кризиса в «зеленом движении».

Первый напрашивающийся ответ на вопрос о причинах экологического кризиса и методах борьбы с ними звучит так: надо наказать разрушающих природу по всей строгости закона. А для этого их следует задержать и

доставить в органы правопорядка. На этой идее как раз и было основано движение Дружин охраны природы.

Правда, в ходе борьбы с браконьерством выясняется, что браконьеров меньше не становится. Обходя кордоны, нарушая законы, местные жители или городские начальники все равно убивают зверье и глушат рыбу.

Значит, людей надо воспитывать? Да, и лучше – на конкретных примерах, прямо на производстве. Привлекать к охране природы в быту, призывать экономить “ресурсы”, приглашать “озеленять” двор, устроить «зеленый офис», заставить экономить воду в унитазе и портить глаза энергосберегающими лампочками. Ведь “кто сам убирает – тот не мусорит”. И развернувшаяся мощная природоохранная пропаганда начинает давать плоды – очищаются канализационные стоки, ужесточаются требования к чистоте промышленных выбросов, мусор отправляется на переработку...

А чище не становится. Потому что даже при искреннем желании сохранить природу в чистоте, мусор, оставляемый цивилизацией, убрать невозможно (об этом говорит наука термодинамика). Более того – в процессе уборки образуется новый, ранее не учитываемый, мусор. И максимум, что мы можем сделать – это переложить мусор в те места, где он до поры до времени будет незаметен.

Тогда, возможно, надо принять законы, по которым загрязнять природу станет экономически невыгодно? Пробовали. Заставляли делать водозаборы ниже по течению, чем канализационные выпуски, облагали драконовскими штрафами сверхнормативные выбросы... Выпускники биофаков шли в природоохранные инспекции и во власть – чтобы “у природы везде были свои люди” и “законы заработали”. В итоге получился целый пласт различных полунаучных-полуконсалтинговых контор, которые совместными усилиями пролоббировали набор природоохранных законов, совершенно невыполнимых на реальном российском производстве, но позволяющих им лично неплохо существовать на бюджетные или грантовые деньги. А природу продолжали загрязнять “в виде исключения”. Потому что любое человеческое действие в своей основе имеет разрушение природных объектов.

А что, если обратиться к опыту зарубежных коллег, спасших Великие озера и очистивших Рейн? Увы, их опыт основан на недостижимых у нас технологической и бытовой дисциплинах, а также на перенесении большей части технологической нагрузки на другие страны.

Тогда – будем сокращать потребление! “Мир должен быть переделан – начнем с себя”. Станем вегетарианцами, сядем на велосипеды, будем находить идеал в простых здоровых удовольствиях, поселимся в коммунах и начнем массово применять макробиотику... Молодой человек, попавший в такое “экопоселение”, очень скоро выясняет, что подобный образ жизни мало кому

нравится. А нравится он почему-то в основном тем, кто не умеет работать (в том числе и на земле). А кто умеет работать, должен иметь стимул – а этот стимул, к сожалению, почти всегда антиэкологичен, так как представляет собой предмет роскоши, то есть то, без чего вполне можно обойтись.

И вот активист «зеленого движения» желающий узнать, как решить экологические проблемы человечества, рано или поздно понимает: сократить потребление – невозможно; переориентировать системы ценностей сколь-нибудь значительной части людей – невозможно даже под угрозой вымирания; сократить выбросы вредных веществ – возможно лишь до определенного предела; изменить мир кардинально – человечество не в силах, и это основной урок “процесса Рио”. А что же возможно? Где-то отнять, где-то прибавить.... Так давайте усредним на планете и производство, и потребление, равномерно распределив нагрузку на биосферу!

Но встает вопрос – какой уровень жизни взять за базовый. Если всей планетой потреблять по меркам Запада в течении 10–15 лет, вся экономика сколлапсирует от нехватки достижимых нынешней техникой ресурсов. Если поприжать тех, кто побогаче – коллапс все равно наступит в течении 30–40 лет. Народы третьего мира, получая излишки продуктов и техники с Запада, уже начали усиленно размножаться. Конечно, через 2–3 поколения численность населения и у них начнет падать – но у планеты нет этого времени.

Значит, необходимо ограничить количество населения!

А как? Пропагандой? Или административными мерами? Не получается, население протестует против ограничения естественного права на потомство. Уничтожение? Геноцид? Численность населения быстро восстанавливается.

Что же, выхода из экологического кризиса нет?

План спасения №1

А что, если попробовать не решать за других, а дать всем людям на Земле жить так, как они хотят (и могут)? Разграничить водонепроницаемыми переборками наш тонущий ковчег, и пусть часть будет затоплена – корабль все равно останется на плаву. Тогда выживут те, кому это будет, образно говоря, “по карману”. Можно на это возразить – такой подход не гуманен. Человечество надо воспитывать в духе любви и дружбы, взаимопомощи и сотрудничества.... Но человечество так воспитывают тысячелетиями, и попытки подобного воспитания всегда давали лишь частный эффект, пригодный лишь для частной жизни. Воспитать в таком духе население Земли в короткий срок – значило бы совершить всемирное насилие в виде глобальной “промывки мозгов”. Свобода человека есть ценность, которая выше выживания человечества.

Иногда высказывается такое возражение: гибель 4/5 населения Земного шара, которая неминуемо произойдет, если эту часть населения

цивилизованный мир бросит на произвол судьбы, обернется катастрофой для оставшихся. Но это не так. Эти 80% населения не участвуют в товарном производстве и культурном процессе. Их исчезновение попросту не заметят. Проиллюстрируем этот тезис примером. За годы второй мировой войны (с 1937 по 1945) в мире погибло более 50 млн. человек. Европа подверглась ужасному разрушению. Это была трагедия цивилизации, оставившая глубокий след в культурном контексте всего мира. За другие девять лет (с 1992 по 2000) в мире произошло более 200 вооруженных конфликтов, которые охватили площадь, сопоставимую с театром военных действий второй мировой. В них погибло более 40 млн. человек. От сопутствующих бедствий – болезней, голода – скончалось еще столько же. Мы регулярно получали через телеэкран информацию об их гибели, но иного воздействия на нашу жизнь эти потери не оказали.

Возражение третье. Углубление имущественного неравенства приведет к войне между Севером и Югом. К счастью, здесь наблюдается обратная закономерность. Голодные не воюют. Войны возникают на определенном уровне сытости. Напротив, прекращение западной помощи приведет к прекращению войн, так как воюют европейским оружием на европейские деньги.

Но какая же судьба ждет Россию? Если с почти 100%-ной уверенностью мы можем прогнозировать установление на ближайшие 20-30 лет “однополюсного мира ТНК” и образование глубокой пропасти, куда медленно сползет 4/5 человечества, то куда денемся мы? Примкнет ли Россия к “золотому миллиарду”? Или нет? Или из ее состава вычлениятся прогрессивные регионы, которые войдут в цивилизованный мир?

В общем, вот вопросы, над которыми я размышлял в 90-х, написав и опубликовав ряд статей и маленькую книжку. (См. ссылки 5, 6).

В начале 90-х гг. знакомые по линии руководства компартии уже несуществующего Союза пригласили меня поддержать инициативу Михаила Сергеевича Горбачева и принять участие в создании Международной организации «Зеленый крест». Мы в Питере создали региональную организацию и стали учредителями Российского Зеленого креста, а тот, в свою очередь, стал учредителем Международного «зеленого» сообщества. Не буду здесь рассказывать о том, что такое «Зеленый крест» и каковы были его успехи. Главное – то, что в России появилась сеть организаций, работающих в интересах местных сообществ и благодаря их деятельности кризис в «зеленом движении» был временно преодолен.

Завершить разговор о кризисе движения 90-х годов я хочу словами Олега Яницкого (См. ссылку 7):

«Что же касается экологического движения, то прошедшие 20 лет – это непрерывные усилия его европеизации западными миссионерами. Их настойчивость вполне объяснима, потому что наличие «ядер» европейски ориентированных гражданских организаций (на их языке, «семян демократии») было необходимым инструментом для продвижения на Восток целей и ценностей западного мира – без опоры на сеть местных сообществ этого достичь просто невозможно. Но русским-то было над чем задуматься!

Стремительная вестернизация создала у вовлеченных в нее экологов ощущение раздвоенности и психологическую напряженность. С одной стороны, «они» – более других продвинуты на Запад, укоренены в международных сетях, владеют интернациональными ноу-хау, оснащены новейшей техникой, название их организаций включены в справочники и директории по всему миру. Но с другой – что же будет с ними завтра, если привычный финансовый источник вдруг иссякнет? Кому они здесь нужны?

Вольно или невольно, приоритетными становились не насущные проблемы страны, а те виды деятельности, которые поддерживали организацию на плаву.

За возможность доступа в качестве наблюдателей (реже, участников) к процессам европейской и глобальной экологической политики российские зеленые фактически заплатили политической маргинализацией на родине.

Политическая маргинализация российских зеленых позволила Западу уже с конца 1980-х гг., но особенно после развала СССР, вести в отношении экологических организаций на всем постсоветском пространстве целенаправленную политику вестернизации, понимаемую здесь как комплекс мер по перестройке этих организаций и их деятельности по западным стандартам.

Теперь – о финансировании. Прежде всего, западные доноры руками своих организаций в центре России и на местах строго задавали систему приоритетов. Это означало, что тематика проектов зачастую была весьма далекой от интересов или возможностей местных активистов.

Система грантов была по существу дискриминационной, поскольку заявки зачастую оценивались не по сущностным критериям, а по качеству английского языка, соответствия текста заявки заданному формату и др.

Главным результатом политики вестернизации рассматриваемого периода была трансформация экологического движения во множество относительно автономных образований (инициатив, НПО), внутри которых могли существовать еще более дробные ячейки – проекты. Да, Запад построил и получил если не контролируруемую, то всегда доступную сеть организаций. Сеть обширную, но с низким мобилизационным потенциалом.

Сеть и социальная база движения (constituency) далеко не одно и то же.

Запад, помогая России создать зеленую сеть, способствовал выживанию зеленого сообщества, но фактически лишил его возможности быть серьезной политической силой на общественной арене.

По сути, российские зеленые уже давно политические маргиналы. Мобилизация сил зеленых на поиск финансовых ресурсов привела их в тот период к социальной демобилизации.

«Снижение» проблемы давало активистам шанс на получение следующего гранта и уменьшало вероятность конфликтов с властными структурами. Здесь западная помощь сыграла на руку местным бюрократам, которые могли больше не опасаться нестандартных мыслей и неожиданных акций зеленого сообщества.

Зеленые быстро ушли с политической арены, благо открылся источник независимого, как им тогда казалось, и безбедного существования.

Таким образом, цена, которую заплатили российские зеленые за выживание, оказалась очень высокой. Это был неэквивалентный обмен. Компьютерное «железо» плюс массовый стандартный программный продукт обменивался на уникальный интеллектуальный продукт. Причем – двух видов: информация в режиме онлайн об экологической ситуации в России, о динамике экологического движения, его союзниках и противниках, и – информация прогностическая, «фьючерсная». О последней надо сказать особо. Дело в том, что только анализируя заявки на гранты, поступающие к западным грантодателям со всех концов страны, то есть бесплатно, западные правительственные и частные фонды получали целые пакеты инноваций, касающихся новых форм и способов борьбы с нарушителями закона, специфики всего этого в тысячах региональных этнополитических ситуаций и т.д. и т.п. Просто бесплатная «раздача слонов»! Эколидеры из столиц и глубинки не осознавали ценности отдаваемого. Таков был их советский менталитет, на котором наживались западные либералы от экологии».

5. *«Зеленое движение» после 2000 года.*

«Полевение» или имитация гражданского общества, как форма досуга

Приход к власти в России команды «правых» политиков в 2000 году вызвал проникновение «левой» оппозиции в народные протестные движения. Не миновала чаша сия и движение природоохранное. Как ни странно, но многие «зеленые», боровшиеся с коммунистами во времена советской власти, благосклонно приняли их в свои ряды. Это было ошибкой. У коммунистов не бывает друзей – бывают лишь временные союзники, которых при случае всегда можно предать. Коммунистам, как выразителям идей люмпенов, не нужна и

глубоко чужда идея охраны природы. Они, как и любые люмпены, воспринимают природу, как объект потребления, и не понимают, что природный объект может быть равноценен человеческой жизни, а существование природы равно по значению существованию человечества.

В нашем регионе «красные» не смогли подчинить себе ни одну «зеленую» организацию из уже существовавших. Тогда они сбились в ядовитый клубок самостоятельно, назвавшись «Движением против застройки берегов озёр». Другие их соратники, более умеренные, решили не бороться «против», а бороться «за» - и организовали «Движение за чистоту берегов озёр». Конечно, непредвзятому человеку эти цели кажутся смешными. Ну, скажите на милость, как может забор вокруг озера повлиять на его сохранность, кроме как в лучшую сторону? Но «красно-зеленым» удалось отвлечь на дурацкие дела немало сил, которые вполне могли бы быть использованы для настоящего дела.

Первым лопнуло «Движение за чистоту берегов». В общем, сразу было понятно, что широко разрекламированный эксперимент по "шефству над озерами" со стороны предпринимательских структур провалится. Началось всё с того, что несколько лет назад ряд честных бизнесменов с самыми чистыми намерениями взяли помочь волонтерам очистить от мусора берега рек и озер региона. Идея была благородной - действительно, мусорят в основном горожане - питерцы, а убирать за ними по закону положено за счет местного муниципального образования с населением в десяток пенсионеров. Почему бы питерцам и не убрать за своими неряхами - согражданами, таким образом пристыдив их? Участие предпринимателей должно было помочь движению этих добровольных ассенизаторов необходимым материальным обеспечением и придать ему некую респектабельность.

Конечно, нашлись десятки мальчиков и девочек с блеском в глазах. Я таких уже много раз видел - и на комсомольских экологических субботниках, и среди движения "Добровольных помощников реставраторов", когда идея спасения разрушающихся памятников на короткий промежуток времени овладела хиппующими массами... Конечно, убрали мусор тоннами. С восторгом, уверенные, что делают правильное дело. Конечно, в следующие выходные мусора оказывалось ещё больше - ведь люди скорее придут отдыхать на чистое место, так что посещаемость чистого берега реки только вырастает, а соответственно, мусора прибавляется. И, самое обидное, мало кто присоединялся к убирающим. Наоборот, возмущались - "что так редко приходите?"

Ну и конечно, пошли разочарования у рядовой массы и упреки в адрес лидеров движения, которые, собственно, были виноваты разве только в том, что не видели дальше собственного носа...

Между тем ответ на вопрос "что делать?" был широко известен. Пока ещё позволяли законы, действовала Общественная инспекция охраны природы, работали Дружины охраны природы. Такие же мальчики и девочки, разве что побойчее, без слюнтяйства, проходили дозорами по берегам рек и озер и, обнаружив рядом с палаткой кучу мусора, составляли протокол об административном правонарушении. И пусть хозяин палатки кричал, что мусор не его - в природоохранном законодательстве презумпция невиновности не действует. К примеру, зашел в лес в пожароопасный период - ты потенциальный поджигатель, пусть у тебя даже спичек с собой нет.

Теперь сменились законы, и у нас природоохранный контроль стал прерогативой государства. Составить протокол теперь имеет право только чиновник. Общественности остается только "сигнализировать"... или действительно, убирать мусор за "отдыхающими". С системой ДОП оказалось покончено.

Эта ситуация интересна вот с какой стороны. Масса людей, оказывается, готова заниматься совершенно бессмысленным, хотя и благородным, делом. Находятся и силы, и спонсоры, и поддержка в печати... И очень мало кто способен работать над изменениями законодательства в сторону расширения общественного контроля. Хотя, собственно, это кратчайший путь к вожделенному "гражданскому обществу". Какие же это граждане, которые не верят в свои силы и скорее готовы к бессмысленной физической работе вместо сложной интеллектуальной? Люмпены это, а не граждане... Пусть даже кто-то из них имеет свой бизнес. Всё равно по уровню гражданской зрелости они – люмпены, а движение их имеет «красную» сердцевину.

«Движение против застройки берегов» показывает иной пример люмпенства в гражданской активности. На мой взгляд, патриотизм - это когда, ко всему прочему, ты вкладываешь свои силы и средства в свою, а не чужую, страну. Поэтому я с восхищением смотрю всегда на людей, строящих себе дома в России, облагораживающих вокруг них территорию... Все больше появляется у нас красивых и, главное, чистых, будто из Европы перенесенных, коттеджных посёлков. Дома в них стоят дорого, в Финляндии подешевле будет. Тем больше заслуги хозяину - не поспешил, и сам жить в России хочет, и детям дом оставит, и дорогу проложил, и рабочих зарплатой обеспечил, хотя мог бы задешево и спокойней за рубежом построиться. Да, пока между этими поселками обычное наше запустение - но ведь расширяются они, возрожденные к жизни территории! Смыкаются зеленые газоны, ломаются высокие заборы, потому как от своих нечего загораживаться... Сливаются посёлки друг с другом. Так и вспоминаешь, как вокруг Питера стояли на холмах усадьбы за усадьбами, играла в них музыка, ставились любительские спектакли, писались великие романы, стихи и картины...

И вот ведь находятся люди, которым слепит глаза чужое благополучие! Думали они, как бы ущучить "богатеев", и придумали - нашли недоработку в законе. Оказывается, вокруг водного объекта надо оставлять полосу свободного прохода - потому как вода является государственной собственностью. И вот изумрудный газон заканчивается за 20 метров до озера. А дальше начинается общий берег. Весь в плевках, соплях и окурках. В воде плавают бутылки, в кустах нагажено, с веток свисает презерватив. Владельцам коттеджа, имеющих несчастье получить "вид из окон на озеро", приходится день-деньской видеть, слышать и обонять это безобразие. А вмешаться нельзя - общественного контроля-то нет, отменили! И полицию не вызовешь - ближайший сержант за двадцать верст.

Если бы было можно получить кусок берега в собственность - на берегу было бы чисто. И озеро было бы чище, потому что ни один забор озеро не загрязнит, а вот грязную толпу от воды отсечет. Нет, находятся рядящиеся под "экологов", начинают протестовать: "народу купаться негде!" А почему, собственно, негде? А потому что муниципальные власти пляж не сделали для народа. Потому что у них на это денег нет, а бизнес в эти дела не идет, так-как платный пляж по закону тоже вроде как и не положен, а иначе затраченные на обустройство зоны отдыха деньги на одном пиве с мороженым не вернуть.

Особенности национальной охоты на ведьм.

8 февраля 1692 года начался знаменитый «Сайлемский процесс» над ведьмами, до сих пор очень актуальный для нашей страны. Именно анализ Сайлемского процесса наглядно показал, что побудительным мотивом борьбы с «мировым злом», как и следовало ожидать, оказывается недостаток финансовых средств...

Деревня Сейлем — Виллидж, традиционно именуемая в литературе «Салем», находится в США, штат Массачусетс. Здесь в 1692 году по голословным обвинениям было казнено и умерло в тюрьме более 20 человек. Всем им вменялось в вину колдовство, напускание порчи и связь с дьяволом.

Этот процесс вошёл в историю, а название «Салем» стало нарицательным. Как случилось так, что половину населения посёлка поразил вирус безумия и они легко поверили, что «ведьмы», даже находясь на скамье подсудимых, продолжают мучить своих жертв, но в то же время ничего не могут поделать со стражей и судьями? Подозревали массовое отравление спорыньей, эпидемию летаргического энцефалита... Объяснение оказалось менее экзотическим.

В 1867 году картограф — любитель Чарлз Апем составил карту Сейлема 1692 года, отметив на ней дома всех главных участников процесса. Оказалось, что 30

из 32 обвинителей жили в западной части деревни, а 12 из 14 осужденных ведьм и колдунов и 24 из 29 их защищавших на процессе — в восточной. Если дьявол и вербовал себе слуг среди сейлемцев, то, похоже, ему были небезразличны их адреса...

Историки, изучив прошлое посёлка, обнаружили, что восточная часть деревни, близкая к порту и торговой дороге, была более зажиточной, чем западная; зато “западники” гордились тем, что сохранили пуританский дух, осуждающий роскошь и смотрели на своих восточных односельчан, как на погрязших в мирской суете грешников. К началу процесса через деревню пролегла социально — экономическая и религиозная линия фронта, которая и разделила её жителей на истцов и ответчиков.

Ленинградская область. Наши дни. Группа «общественников» начинает устанавливать факты перекрытия владельцами прибрежных участков узкой береговой полосы — так называемого “бечевника”, куда, согласно Водному Кодексу, должны допускаться все желающие. Собранный ими материал попадает к журналистам и вместо разумного комментария — да, вот к чему приводит всякая половинчатость; с одной стороны, и частная собственность на землю появилась, с другой стороны, хозяева даже забором не смеют огородиться; давайте не будем популистами и, наконец, добьемся того, чтобы частная собственность стала бы в нашей стране священна и неприкосновенна, как и положено в цивилизованных странах — внезапно получает безоговорочную поддержку. Прорывается наружу застарелый гнойник зависти к тем, кто живёт лучше. Туристы (романтики в драных палатках) становятся социально близкими, а жители загородных коттеджей — богатеями, ждущими очереди на раскулачивание. Отдельные голоса противников новой охоты на ведьм тонут в гвалте новоявленных “защитников природы”. Причем эти “защитники” не желают видеть, что в местах, свободных для посещения “любителями отдыха на природе”, грязь непролазная, а коттеджные посёлки — образцы содержания территории.

И всем вроде бы всё понятно — надо строить загородное жильё, чтобы дети росли на природе, чтобы деньги в стране оставались, а не в финскую недвижимость вкладывались. А коттеджей в области построено очень мало — 22 000 штук примерно, по сравнению с 800 000 садоводческих домиков — пустышки, и даже по данным борцов с огораживанием, в год по берегам водоёмов появляется менее 20 коттеджей, с такой скоростью за пятьдесят лет застроят

всего половину одного лишь Суходольского озера... Но все равно, на страницы газет, на телеэкраны, под предлогом борьбы “за озёра” продолжает выплёскиваться густая злоба люмпена к более успешному соседу.

Не в том дело, что злоба эта на сей раз рядится в “экологические” одежды. Триста лет назад людей бы обвиняли в колдовстве с той же экономической подоплёкой. Дело в том, откуда она, злоба, берётся.

Один мой хороший знакомый, писатель, настоящий питерский интеллигент, послушав такие мои рассуждения, сказал примерно следующее: всё так, и зависть — дурное чувство. Но раньше — на лыжах, сквозь заснеженный карельский лес, вдоль вековых сосен, по заледенелому озеру, к незамерзающему роднику со стылой водой, дальше — костерок, чай с хвоинками... Да, в новых посёлках — красиво, фонари, на озере каток, дымок от шашлыка, и музыка, и с берега не гонят, но чувствуешь себя бродягой у ворот усадьбы.

Промолчал я тогда. А, верно, стоило бы сказать — да, были когда-то здесь усадьбы. Были и бродяги. Была могучая страна с великой культурой, вровень стоящая с другими европейскими державами. И разрушила её обычная человеческая зависть, научившаяся выдавать себя за заботу об угнетенных.

И ради чего разрушила? Чтобы он, писатель — умница мимо пожжённых дворянских гнёзд, осквернённых церковей да разорённых финских хуторов на лыжах ходил? Или чтобы туристы на любом берегу могли палатку поставить, в кустах, не опасаясь хозяйского глаза, нагадить, да потом песню спеть про то, как здорово, что все мы здесь сегодня собрались?

Бродяга останется бродягой, хотя бы и с университетским дипломом. Бродяги не создадут государство, не восстановят хозяйство, не смогут управлять собственностью. Десятилетия советской власти это доказали.

Дайте, наконец, людям иметь свой дом на своей земле. Не мешайте им эту землю защищать. Отмените законы, мешающие осуществлять права собственника. Укажите бродягам и люмпенам их место в обществе. Этого достаточно. И полудюжины лет не пройдёт, как Россия станет могучей и процветающей.

Ну, борцы за свободу гадить на берегах озёр у меня ничего, кроме брезгливости, не вызывают. С ними всё ясно - мелкие, зависливые к чужому благополучию душонки. Но ведь масса людей и организаций страдают от невозможности по закону получить в собственность кусок береговой полосы. К примеру, руководство санаториев и детских оздоровительных лагерей, которые

тихой сапой огораживают-таки себе участки берега, владельцы гостиничных комплексов, да, собственно, каждый из нас, который бы хотел отдыхать в чистоте, пусть за деньги, а не в грязи, зато бесплатно. И нет, к моему удивлению, массового протеста против такой законодательной нормы. Все кричат, тихо дают взятки, ставят незаконные заборы, ворчат... но изменить положение дел не пытаются. И говорят при этом, что всё равно не получится, народ у нас такой, любит, чтобы все на халяву... Да вы хотя бы попробуйте! А вдруг?

Мне дорого зеленое движение, важны зеленые идеи, я им отдал много сил и времени. Тем более обидно, когда в современной ситуации «зеленые» лозунги используют всего лишь как средство вывести на улицу против правительства побольше народа. Использовать «зеленых» для ежеминутных политических целей – всё равно, что забивать гвозди микроскопом. Зеленая идея даёт людям понимание того, как правильно воспринимать окружающий мир – а её используют для того, чтобы упрекнуть правительство, что, мол, не ту технологию используют для утилизации мусора. Политики видят в «зеленом» движении не носителей вечных истин, а «протестный потенциал». Впрочем, тут «зеленые» виноваты сами, не вычистив из своих рядов, к примеру, дамочку с говорящей фамилией «Чирикова» и прочих разных «борцов за права на чистый воздух».

Смена целей.

Современный период развития движения интересен тем, что все задачи, которые движение могло выполнить в России, оно выполнило. Да, осталось множество частных случаев, куда можно приложить силу – но, в общем-то, стало понятно, как надо и как НЕ надо действовать, где можно одержать победу и каких результатов ни при каких условиях НЕЛЬЗЯ достичь.

Стали понятны объективная ограниченность движения, конкретизировались его цели и задачи. Например, стало ясно, что остановить рождаемость и резко уменьшить численность человечества – до безопасного предела в 1 миллиард человек – ни «зеленые», ни какая бы то ни было иная политическая сила на Земле не в состоянии. Сохранить существующую технократическую цивилизацию мы также не можем, равно как и нынешний уровень потребления, даже такой средний, какой мы имеем в России. И обещать, что дальше будет жить лучше, было бы, по меньшей мере, безответственно. Наконец, стал ясно виден неизбежный и близкий конец движения, связанный с замещением европейцев в планетарном масштабе на иные расы и этносы, которые имеют совершенно иные представления о природе, месте в ней человека и общественных движениях. Собственно, у них вообще нет такого «зеленого» движения, которое нам привычно. То есть дать

прогноз о будущем движения мы не можем, кроме, разве что, утверждения, что будущее движения, как и цивилизации в целом, прогнозу не поддается.

Максимум, что могло сделать «зеленое» движение – создать модель нравственного поведения человека перед лицом непреодолимой силы с учетом экологической составляющей бытия... И это оно уже сделало.

Разумеется, рефлексии о судьбе движения единицы из числа природоохранных активистов. Давно уже не собираются конференции с теоретической повесткой дня. Лидеры движения часто просто боятся рассказать правду о перспективах своим младшим единомышленникам. Поэтому такое распространение получили эскапистские течения, основанные на «зеленой» идее – вегетарианство с веганством, попытки экономить ресурсы в быту, пропаганда натуральной пищи, тканей, предметов быта...

Наряду с этим у «зеленого движения» в активе много реальных достижений. Тематика текста не соответствует рассказу об успехах – однако же, мне хочется отметить, что за прошедшее десятилетие нашей организацией в содружестве с конструктивно настроенными «зелеными» удалось сделать очень многое и в Петербурге, и в Ленинградской области. О некоторых наших действиях я расскажу ниже.

Конструктив: успехи и пределы возможностей.

Мы изначально поставили задачу работать в интересах местных сообществ и на средства, предоставляемые нам этими сообществами. На возражения, что таковых средств будет мало, мы отвечали, что в таком случае хуже будет не нам, а в первую очередь самим местным сообществам и они, как социальные организмы, обнаружив свою нежизнеспособность, погибнут, в том числе – и из-за ухудшения качества среды обитания. Те же сообщества, которые придут к ним на смену, будут сильнее и, вполне возможно, смогут затратить средства на охрану природы. А мы подождём...

Практика показала, что я был прав. После очень быстрой, буквально в течение десятка лет, смены доминирования в обществе ряда социальных групп, положение референтных групп заняли сообщества, состоящие из вполне вменяемых и понимающих важность охраны окружающей среды людей.

Опираясь на их усилия и ресурсы, нам удалось создать систему, которая позволяет непосредственно влиять на ситуацию в экологической политике властей регионов, выдвигая или поддерживая любые инициативы, направленные на создание технологических, культурно-идеологических, правовых и природных элементов системы устойчивого развития региона. С нашей помощью сложился развитый рынок питьевых и минеральных вод, фильтров для доочистки питьевой воды, биологически активных пищевых

добавок, и других экологических товаров. Мы провели ряд общественных экологических экспертиз промышленных и транспортных проектов, обеспечив участие общественности в принятии решений, оказывающих значительное влияние на развитие региона (для примера можно назвать экспертизу проекта Кольцевой автодороги вокруг Петербурга и нефтетерминала в Ораниенбауме, Морского порта в Петербурге и алюминиевых производств на территории Ленинградской области). Ежегодно мы проводим экспедиции по изучению состояния уникальных природных объектов региона и регулярные инспекторские проверки предприятий, нарушающих природоохранное законодательство. С 1994 года “Зелёный Крест” — учредитель первой в России экологической радиостанции “Открытый Город”. Радиостанция просуществовала до 2008 года и закрылась в связи со смертью главного редактора. С 1997 по 2000 год организация издавала собственную газету — “Зеленый Сектор”. Газета бесплатно распространялась во властных структурах города и области, офисах крупнейших фирм, организациям, учреждениям образования. Теперь газету сменили два сайта. В 2000 — 2001 годах “Зелёным Крестом” проводилась общественная экологическая экспедиция на Ладожское озеро. В ходе экспедиции были собраны данные, подтверждающие возможность и необходимость строительства водовода из Ладожского озера для водоснабжения Петербурга. Вообще экспедиции мы проводим регулярно, с 1998 года по настоящее время. В 2001 году “Зелёным Крестом” подготовлена и издана брошюра по заказу Департамента по природопользованию Правительства Ленинградской области — “Состояние окружающей природной среды на административной границе между Санкт — Петербургом и Ленинградской областью”. В 2002 году “Зелёным Крестом” впервые в России был проведён Международный экологический праздник “День Фиорда” в Выборге. В 2002 году “Зелёным Крестом” была составлена схема перехода к устойчивому развитию модельной урбанизированной территории — района Санкт — Петербурга “Левашово — Удельная”. В 2003 году нами был выпущен первый “Путеводитель по Ленинградской области”, карта областных туристических маршрутов “Серебряное Кольцо” и цикл телефильмов о природе и культуре Ленинградской области. В 2004 году мы вновь провели праздник “День Фиорда” в Выборге и организовали экспедицию по обследованию заказников на островах российского сектора Балтики. В 2005 году мы создали первую в России правозащитную радиостанцию “Свободный Голос”. В том же

году мы поставил рекорд - провели 12 общественных экологических экспертиз. Обычно их бывает в году не более 4 штук. В 2006 году мы обследовали все заказники Санкт — Петербурга. В 2007 году опять-таки провели ряд общественных экологических экспертиз и общественную экологическую экспедицию на остров Гогланд в Финском заливе. В 2008 году был создан «Клуб зеленых журналистов» Санкт – Петербурга, выпущены новые издания «Экологической карты Ленинградской области». В 2009 году нами было проведено 7 заседаний “Клуба зеленых журналистов” Санкт - Петербурга, из них — 6 выездных, являющихся, по сути, пресс — турами, длившимися от одного до пяти дней. В 2010 году сотрудниками и волонтерами Зеленого Креста организованы и проведены массовые акции, направленные на повышение туристической привлекательности региона: музыкальные фестивали «Дверь в Лето» (Выборг), «День народа водь» (Усть-Луга), а также длящийся неделю фестиваль «Дни культуры Выборга в Петербурге». В 2011 году Зеленым Крестом проведена общественная экологическая экспедиция по Финскому заливу, в ходе которой были обследованы донные отложения на предмет содержания в них радионуклидов, выпавших в ходе испытаний ядерного оружия из атмосферы. В 2012 году сотрудники Зеленого Креста подготовили и опубликовали более 600 выступлений в различных СМИ региона; рассмотрели и приняли меры по 83 обращениям от частных лиц и предприятий. В 2013 году Зеленым Крестом проведена общественная экологическая экспедиция по Ладожскому озеру, в ходе которой были обследованы острова, где в середине 20 века проходили испытания радиологического оружия, а в 2015 году – проведена общественная экспедиция по обследованию захоронения ядерных отходов на форте Ино в поселке Приветнинское. В 2014 году мы в содружестве с издательством «Инкери» выпустили книгу «Удивительные и загадочные места Ленинградской области», а вместе с Ольгой Сорокиной из телекомпании «Ленинградское областное телевидение» сделали 18 телепередач про эти удивительные и загадочные места, по материалам этой книги. За два года – 2014 и 2015 мы провели 12 общественных экологических экспертиз, в том числе – таких общественно значимых проектов, как создание завода по утилизации медицинских отходов и по переработке токсичных отходов на полигоне в Красном Бору. Регулярно проводим по 3-6 пресс-тура в год. В 2015 году разработали «Концепцию использования вторичных ресурсов в Ленинградской области», согласно которой к 2030 году регион перейдет на полную утилизацию

всех видов отходов, таким образом превратив их во вторичное сырье...

Интересующихся подробностями нашей деятельности я отсылаю к нашим официальным отчетам (См. ссылку 8). Главное – благодаря нашим усилиям и усилиям наших друзей, в регионе сейчас действует хорошо отлаженный механизм взаимодействия общества и власти. Его наличие показывает, что практически каждый человек имеет возможность оказывать влияние на ситуацию в области природопользования, имеет возможность бороться и побеждать.

Разумеется, мы понимаем, что наши частные успехи не в силах задержать наступление глобальной катастрофы, а могут лишь дать пример адекватного восприятия угрозы и нравственного поведения перед её лицом.

Критика действий властных структур со стороны маргинальных «зеленых», отработывающих западные гранты, в данном случае не в счет, их неудачи проистекают не из-за политической ситуации, а от их собственной никчемности, привычки жить на подачки и нежелании работать на достижение конечного результата. К тому же, в скором времени подача грантов прекратится – либо устанут от обмана реципиентов «западные» доноры, либо российское законодательство начнет, наконец, реально бороться с зарубежными «агентами влияния», (впрочем, этому уже положено начало) и эти три-четыре живущие на гранты организации лопнут, как мыльные пузыри.

ВЕГАНЫ и прочие представители альтернативного образа жизни.

С большим интересом наблюдаю за деятельностью веганов и похожих групп, этих современных последователей джайнизма. Мне нравится, что они осознают аморальность повседневного и будничного уничтожения миллиардов живых существ для продолжения существования вида «человек разумный». Мне нравится, что они пытаются хотя бы на личном уровне потребления уменьшить эту тяготеющую над родом человеческим вину, хоть на уровне кружевного платочка, но осушить эту великую кровавую реку, хоть как-то уменьшить боль и страдания гибнущих животных, птиц и рыб...

Вероятно, через десяток-другой лет появятся хорошие книги, созданные людьми, в молодости прошедшими через веганство; появятся политики – новые «толстовцы», появятся, возможно, новые религии... А в настоящее время эта

идеология помогает многим молодым людям перепрыгнуть современность в ожидании окончательного взросления...

Единственно, что мне в них, веганах, не понятно, так это их неверие в разумность эволюции. Я понимаю, что большинству людей очень сложно понять, что смерть необходима. Также, вероятно, и веганам сложно принять то, что многократно ускоривший разрушение биоты планеты вид живых существ – наш с вами вид - появился в ходе логичного эволюционного процесса. Стало быть, природе нужен вид – «уничтожитель», нужно, чтобы энтропия возрастала... Причем осознание противоречий между моралью и повседневными убийствами, проникающее в массы людей, обеспечивает механизм самоуничтожения у этого вида. То есть, скорее рано, чем поздно, он уничтожит и себя, прекратив репродукцию. Практики прекращения размножения, типа монашеских, скопческих, и так далее, базирующиеся на осознании аморальности («греховности») мира, имеют место от начала человеческой цивилизации.

Зачем это природе нужно? Вероятно, за тем же, за чем вообще существует смерть – для расчистки пути новому. К примеру, разумной форме жизни, созданной не на белковой основе, а на основе взаимодействия энергетических полей; разумной жизни, не нуждающейся в убийстве для продолжения своего существования...

Вместо вполне логичного чувства радости от того, что «все в надежных руках» (@- Б.Г.) и мир, основанный на убийствах, мучениях, зле – будет в ходе эволюции уничтожен, веганам по непонятной мне причине жаль этот мир и они пытаются провести в окружающем аду некие реформы. Они исходят из возможности усовершенствовать мир, и, по завету Льва Николаевича, «начинают с себя». Но надо ли это миру? Логически рассуждая, мы и созданы для того, чтобы его разрушить – и единственное, что мы можем сделать, это – поменьше участвовать в этом.

Впрочем, самые «продвинутые» веганы, похоже, это понимают...

Птенцы Джорджа Сороса и дети капитана Гранта (часть вторая)
Тенденции последнего времени иногда меня просто пугают. Мне кажется, что в нашем обществе перепутались все моральные ориентиры. Мы не тем

сострадаем и не тех порицаем. И виноваты в этом зачастую активисты «зеленого движения», во всяком случае, его ориентированной на Запад части.

Если взять и непредвзято прочесть «послужной список» успехов «Гринпис», то просто не поймёшь, как этих аморальных людей терпит общество.

Гринпис постоянно оказывается замешан в скандалах, которые заканчиваются вмешательством органов правопорядка, судами, штрафами и тюремными заключениями. Вот некоторые из наиболее ярких эпизодов.

Два года спустя после основания Гринпис, в 1973 году лодка организации совершенно мирно незаконно вошла в территориальные воды Франции. В результате была атакована кораблем береговой охраны, а к эоактивистам применена сила.

В 2006 году в США гринписовцы были арестованы за то, что мирно завесили баннерами со своими призывами скульптуры американских отцов - основателей на горе Рашмор в Южной Дакоте.

В 2007 году активисты Гринпис попытались мирно проникнуть по морю на саммит G8 в Хайлигендамме, районе города Бад - Доберан в Германии. За полгода до саммита немецкий суд запретил проведение любых акций в окрестностях этого балтийского курорта. Более того, для обеспечения безопасности мероприятия были возведены уходящая в Балтийское море система ограждений, общей протяженностью 13 км. Гринпис попытался мирно их обойти. В результате лодка активистов была чуть не утоплена полицейским катером.

В 2009 году гринписовцев арестовали за то, что они мирно штурмовали при помощи пожарных машин Национальную ассамблею — нижнюю палату парламента Франции.

В 2010 году в Дании Гринпис абсолютно мирно пробрался на дипломатический ужин для глав 120 государств, который был организован в королевском дворце. Для этого эоактивистам пришлось сначала на машинах преодолеть несколько контрольно - пропускных пунктов, а затем в вечерних платьях и смокингах проникнуть во дворец. Там они мирно развернули плакат «Политиканы болтают, а лидеры действуют!», после чего их арестовали.

Как видите, в основе действий «Гринпис» всегда лежит обман. Без обмана очень трудно попасть на охраняемый объект. Но обман аморален всегда, какими бы благими целями он ни прикрывался. А основным методом воздействия «Гринпис» является обыкновенный шантаж, угроза «сделайте, как я хочу, иначе напишу плохое слово на вашей двери!»

К сожалению, всё больший вес приобретают люди, которые стараются выдать обман и шантаж за норму политической деятельности. Теперь любой неуступчивый чиновник, честный бизнесмен, принципиальный общественный деятель может стать мишенью атаки из интернета, остающейся фактически безнаказанной. Хорошо, конечно, что мало кто обращает внимания на сплетни и заказные «разоблачения». Но в ответ на игнорирование шантажист только наращивает атаки.

Ситуация с нефтеплатформой «Приразломная», на которую пытались подняться «гринписовцы», за что они были задержаны российскими пограничниками, уже стала хрестоматийной для иллюстрации методов «зеленых» шантажистов. И, надо сказать, подобные методы действуют. Кто сейчас с ходу назовёт автора Литейного моста, кроме специалистов? А тех, кто его испохабил, «в знак протеста» нарисовав гениталии – помнят очень многие. Правда, против чего именно протестовала арт-группа «Война», я сказать затрудняюсь.

Франсуа Рабле под старость, когда Гаргантюа с Пантагрюэлем остались далеко позади, написал: «Своды законов опираются на необходимость, а не на справедливость». У нас закон становится не общепризнанной по необходимости нормой, но навязанным свыше табу, как в «Острове доктора Моро», где полулюди – полужвери повторяют, как мантру: «Что ждёт того, кто нарушит Закон? – Он возвращается в Дом Страдания». Но риск вернуться в Дом Страдания в России резко уменьшился по сравнению с советским временем. И мы сами не замечаем, как в нашем обществе набирает силу процесс редоместикации, как мы дичаем и соглашаемся преступить закон – вначале в малом. Вначале – чтобы, как нам кажется, «защитить свои права»...

Хотя, возможно, этот процесс имеет общемировой характер. Недавно прочел результаты опроса граждан в соседней Финляндии. Даже там, в законопослушной стране, с утверждением «закон можно нарушить, если собственные моральные ценности и закон противоречат друг другу» полностью согласны 7% и отчасти согласны 15% - и только 45%, меньше половины, сказали твёрдое «нет» подобному утверждению, по которому можно оправдать фактически любой противоправный поступок – да хоть каннибализм. Если, конечно, каннибал догадается сказать на суде, что пожирание людей есть его моральная ценность и атрибут религиозного культа.

А помните историю с несчастным Калоевым, потерявшим жену и детей в

авиакатастрофе и затем зарезавшим швейцарского авиадиспетчера, который, вроде бы, был в этой авиакатастрофе виноват? (См. ссылку 9). Его, отсидевшего символический срок в швейцарской тюрьме, встречали в России с плакатами «Вы настоящий человек». А ведь он нанёс двенадцать ножевых ударов своей жертве на глазах у его жены и трёх детей, то есть поступил так, как не каждый зверь может.... И только 12% из опрошенных в России решили, что он должен понести наказание – остальные так или иначе его оправдывали!

Постепенно стало возможным любой поступок оправдывать защитой своих моральных ценностей. Убить кинорежиссёра, снявшего «не тот» фильм, оболгать политика, который «не то» сказал, устроить диверсию против сайта, где размещена «не та» информация, сломать забор, который «не там» поставили, подслушивать, читать чужую переписку, собирать «компромат», унижать, бить, преследовать... Примеры всего этого мы читаем в газетах или видим на компьютерной новостной ленте ежедневно. Причем методы «оппозиции» зачастую выглядят омерзительнее, чем методы правящей части общества. То есть никто никому моральным примером служить не желает.

Разумеется, бывают моменты в истории, когда народу приходится производить революционные изменения, чтобы уберечь собственное существование. И честь и хвала тем истинным гражданам, что поднимаются с оружием в руках против тоталитарного режима или оккупационной власти. Но всё же ситуацию надо оценивать адекватно. И хотя, как говорил Наполеон, «революция – это миллион новых вакансий», если есть возможность решить дело с помощью действующих ещё законных методов воздействия на власть и её отдельных представителей, не следует, мне кажется, изображать, что положение ужасно и иного варианта, кроме как перейти к противоправным действиям, у «порядочных людей» нет.

Пролившаяся на землю кровь обладает одним свойством – её назад в вены влить невозможно. Никто ещё, кроме некоторых святых да доктора Франкенштейна, не смог оживить мертвецов. И худой мир всегда будет лучше доброй ссоры, пусть некоторые и считают, что эту пословицу придумали трусы. Иной раз быть сторонником гражданского мира – опаснее, чем призывать к гражданской войне.

Почему же мы продолжаем работать.

Но все же главным достижением последнего десятилетия для меня остается появление понимания, что же есть такое – общественная экологическая деятельность.

Вынужден разочаровать желающих «просто помочь природе» – простых способов для этого нет. Даже деревья сажать надо умеючи и имея некоторую физическую подготовку.

Для среднего обывателя основная проблема цивилизации – в том, что она создает отходы. Вот не будет отходов, запустим всё в переработку – и наступит рай земной. Тем более что, говорят, на Западе так уже делают. Причем этот обыватель, конечно же, учил в школе физику, помнит закон Ломоносова – Лаувазье и знает, что отходы никуда исчезнуть не могут, а могут просто перейти в иное состояние. Так вот давайте посмотрим, а будет ли этот переход полезен для природы.

Обратившись к зарубежному опыту, мы увидим, что переход к переработке отходов состоялся там, где он был выгоден финансово еще в начале XX века. Об охране природы тогда никто и не помышлял. Меньше выбрасывали на свалку, чтобы меньше платить мусорщикам.

У нас подобное невозможно хотя бы потому, что плата за вывоз мусора рассчитывается не от его веса или объема, а от площади квартиры!

В, допустим, Бельгии у человека есть личный домик с личным подъездом и личной помойкой, а также личный график вывоза мусора. Баки, действительно, стоят разноцветные. И мусоровозы к ним подъезжают разноцветные, не как у нас, когда опорожняли все бачки в один кузов. Заполнив бак, бельгийский гражданин наклеивает на него этикетку, подтверждающую, что он внёс за вывоз мусора оплату и бак вывозят на следующий день. Но – бачки заполняются со скоростью один бачок за две недели. (Это, например, верно для бачков с макулатурой или полимерами)...

У нас за две недели в макулатуре крыса крысят выведет, и спасибо защитничкам природы скажет. У нас не у всех не то, что своей помойки – своей кухни нет. Полмиллиона людей только в Питере в коммуналках живут, какой уж на коммунальной кухне отдельный сбор! У нас во дворах-колодцах и одного-то бака не поместить, не то, что полдюжины. У нас мусоропроводами пользуются не потому, что это гигиеничнее – а потому, что не во всякий двор

женщина с мусорным пакетом выйти может в темное время суток без риска для здоровья. Есть, конечно, и элитные дома, и малоэтажные пригороды, и там было бы возможно организовать раздельный сбор – но вот зачем, если это никак не скажется на плате за вывоз мусора...

Но, даже если зарубежный опыт не подходит, может, придумаем что-то свое, чтобы мусора стало бы меньше? Ведь кому охота видеть большие горы отходов на полигонах вокруг Питера... И питерские ученые придумали – после извлечения вторичного сырья разнообразными способами всё, что переработке не подлежит, перемолоть и подвергнуть литификации, то есть – «окаменению», путем добавления извести, глины и ещё некоторых компонентов. Такой способ давно применяется в Сибири для утилизации отходов нефтедобычи. А сейчас в профильных комитетах Правительств Санкт-Петербурга и Ленинградской области рассматривается возможность применения этого метода для утилизации мусора нашего города.

Горы мусора вокруг Петербурга исчезнут. Но, вопреки расхожему обывательскому мнению, извлечение вторичных отходов не помогает природе. Сколько бы мы ни собрали макулатуры – лесов меньше не вырубят. Просто древесину потратят не на бумагу, а, допустим, на пеллеты. Сколько бы ни сдали полимеров – газа меньше добывать не будут. Пустить полимеры в переработку – это примерно то же, что пробурить ещё одну скважину для добычи газа. Полезно ли это будет природе, по-вашему?

Да, говорят «защитники природы», но зато надо будет меньше потратить энергии, чтобы получить продукт из вторичного сырья – по сравнению с его получением из первичного. Но на самом деле этот аргумент - тоже лукавство. Не распоряжаясь сэкономленной энергией, общество не может запретить направить её на цели, с обществом не согласованные. Представим, что мы все уменьшили потребление электроэнергии на столько, сколько производят все атомные электростанции страны. Как вы думаете, закроют ли станции? Или у электроэнергии сразу найдется иное применение? Ответ очевиден, к сожалению...

Природе можно помочь уменьшением потребления. И действительно, «зеленые» активно пропагандируют правило трех R: reduce, reuse, recycle (уменьшай потребление, используй повторно и отправляй на переработку). Но

первая из трех R только декларируется. Уменьшение потребления в одной сфере с лихвой перекрывается его увеличением в другой. И это понятно. Иначе произойдет замедление экономического роста страны. Ни один обыватель, раскладывающий мусор по пакетикам, на это не согласится. А ресурсосбережение, которое базируется на переработке вторичного сырья, в конечном итоге ведет к увеличению потребностей, так-как в руках у человечества оказывается больше легкодоступных ресурсов. То есть в целом только вредит делу охраны природы.

Поэтому-то ресурсосбережение так активно пропагандируют в трогательном единстве и государственные чиновники, и бизнесмены, и обслуживающие их «зеленые».

А вот еще один пример такого единодушия – между «зелеными» и транснациональными корпорациями. В 2015 году «Европейцем года» по версии журнала «Ридерз Дайджест» стал Феликс Финкбайнер. Ему тогда было 17 лет. Он возглавляет детско-молодежное движение «Растения для планеты». Члены этого движения сажают деревья во многих странах мира и надеются, что к 2020 году по всей Земле их усилиями будет посажено около триллиона деревьев – примерно по 150 деревьев на каждого жителя планеты. Движение поддерживают вполне взрослые люди – в частности, руководство «Фольксвагена» и других германских компаний. По мнению Феликса, таким образом можно будет избежать экологической катастрофы – ведь триллион деревьев сможет поглотить примерно четверть техногенных выбросов углекислого газа. Около 120 тысяч детей по всему миру активно поддерживают это движение, сажая деревья и надеясь, что это действие как-то повлияет на судьбу человечества.

... Не могу понять, как квалифицировать популярность этой инициативы – как простое невежество или же истерику, когда человек в безвыходном положении хватается за соломинку. Неужели в Германии настолько ужасное образование, что детей не учат, откуда берется кислород в атмосфере? Неужели немецкие школьники не знают, что деревья тоже дышат кислородом? Что кислорода они поглощают примерно столько, сколько и вырабатывают в процессе фотосинтеза, потому что дышат и ночью, и зимой, когда фотосинтез «не работает»? И, наконец, неужели кому-то надо объяснять, что весь поглощенный деревьями углекислый газ тут же возвращается в атмосферу – осенью, с

гниением листвы и опавших ветвей, а затем, после смерти дерева – с окислением основного ствола?

Думаю, и Феликс Финкбайнер, и, тем более, люди из руководства «Фольксвагена» все это знают. Вероятно, они даже знают, что кислородная атмосфера на Земле возникла много раньше, чем появилось первое дерево, и что не деревья – источник кислорода в атмосфере. Возможно, они знают еще и то, что техногенные выбросы углекислоты составляют не более 8% от естественных выбросов. Что перегнивание органического материала, такого как мёртвые деревья и трава, приводит к ежегодному выделению 220 миллиардов тонн двуокиси углерода, земные океаны выделяют 330 миллиардов, а от сжигания ископаемого топлива выделяется всего только 32 миллиарда тонн. Примерно столько же в атмосферу Земли поступает от дыхания обитателей суши, включая и человека. То есть, предлагающие сажать деревья люди отлично понимают, что посадка деревьев в лучшем случае оставит содержание кислорода и углекислого газа в атмосфере на прежних уровнях. А то и напротив, увеличит содержание углекислого газа – это смотря какие породы деревьев сажать и в каких климатических поясах.

Впрочем, я не собираюсь обвинять милого юношу Финкбайнера в злонамеренном обмане ради будущей карьеры и сегодняшних грантов. Я также не против посадки деревьев – как бы ни было бесполезно это дело в масштабах планеты, но оно безусловно нравственно и благородно, полезно зверям и птицам и, локально, действительно улучшает окружающую среду. Но почему умные и образованные люди сознательно врут окружающим, уверяя их в том, что такими простыми способами, как посадка деревьев, можно что-то кардинально исправить в этом мире?

Видимо, потому, что они настолько умны и образованны, что не видят выхода из цивилизационного тупика. Видимо, потому, что им надо как-то канализировать общественные инициативы, вызванные страхом перед будущим, в безопасное для власть имущих русло. Потому что им нужно занять людей делом, пусть совершенно бесполезным, объяснив им, что их спасение – в их собственных руках. Но дело при этом не должно быть непосильно сложным. А что может быть проще – вскопал ямку, посадил прутик... Или рассыпал семена на взрыхленном поле... И готово – можно гордиться собой, ты только что внес свой вклад в спасение планеты... И о реальных опасностях –

перенаселении планеты, допустим, или вымирании европейских наций – ты уже не думаешь.

Никогда ранее в истории Земли самоуважение не было столь легко доступно, столь дешево и столь лживо. Никогда ранее не назначали людей «Европейцем года» за массовый обман детей. Видимо, дела у человечества действительно очень плохи, если люди готовы поверить в столь явный, шитый белыми нитками, блеф. Впрочем, к своему сожалению, уверен, что наши любящие бездумно перенимать всё «европейское» сограждане вскоре ухватятся за идеи посадки деревьев ради спасения планеты и образуют в России отделение организации Финкбайнера.

Основная ошибка мимикрирующих под «зеленых» «печальников горя народного», правозащитников всех мастей – они совершенно не понимают причину экологического кризиса. Она не социальная. Не антропогенная. Экологический кризис был всегда. Это он убил прокариотов древнего океана, расчистив место для последующих форм жизни. Он уничтожил динозавров, а также тупиковые ветви человечества. Он заложил основы современной цивилизации в эпоху неолитической революции. Экологический кризис – инструмент биологической эволюции, а не следствие зловердных действий олигархов или владельцев транснациональных корпораций. Люди, разумеется, вносят своими действиями вклад в его усиление, в результате чего гибнут отдельные очаги цивилизации и растут пустыни. Но этот вклад не принципиален, как не принципиально количество убитых на войне по сравнению с общепланетарной смертностью. А следовательно – не существует на планете социальной силы, с которой надо было бы бороться «зеленым». И значит – все социальные действия (контроль над загрязнением среды, общественная активность, все эти митинги и петиции) – носят локальный характер, не влияющий на глобальную картину общепланетарного кризиса. Конечно, конкретные люди страдают именно от локальных экологических проблем – но «мысля глобально», мы обязаны понимать, что локальные победы не означают в глобальном смысле ровно ничего. Так врач, вылечив больного, не уничтожает смерть, как явление.

Экологический кризис будет при любом социальном устройстве; не следует «зеленым» бороться за социальные изменения, прикрываясь интересами «спасения планеты», а следует понимать, что это – бессмысленная «с точки

зрения природы» борьба. Те же, кто обвиняет в экологическом кризисе социальные группы и сеют социальную рознь между людьми, в очередной раз «зоя Русь к топору» - либо глупцы, либо мошенники.

Социальными изменениями человечество не спасти. Да, собственно и спасти его не надо. Гибель человечества – процесс естественный, закономерный, неизбежный, и обусловленный неразрешимыми противоречиями между повседневной практикой человеческой жизни, основанной на убийствах иных живых существ, и моралью, «категорическим императивом», каждого человека, не принимающим такую практику на духовном уровне.

В чем же отличие между гражданскими и псевдогражданскими действиями?

Давайте рассмотрим все возможные варианты активности экологических («зеленых») общественных организаций, как формальных, так и неформальных, и разберемся, насколько их деятельность действительно идет на пользу развитию гражданского общества.

Довольно большое количество эоактивистов «спасают природу» путем уменьшения собственного потребления – в основном в быту. Они экономят ресурсы (воду и электричество), используют натуральные вещества для мытья посуды, одеваются в натуральные ткани, но при этом не используют мех и шкуры убитых животных, ездят на велосипеде или общественном транспорте, выбирают вегетарианский или веганский способ питания... Приэтом они не отказываются от отдыха на дикой природе, хотя тут как раз могли бы внести реальный вклад в уменьшение антропогенной нагрузки на пригородные леса. В масштабах планеты эта деятельность ничтожна и соответствует вкладу в уменьшение всеобщего потребления от действий поклонников джайнизма – древней религии, которая проповедует ненанесение вреда всем живым существам в этом мире. Джайнистов сейчас около 10 млн. человек, веганов – строгих вегетарианцев, выступающих против эксплуатации животных и исключаящих из своего рациона все продукты животного происхождения – примерно 20 млн. в Европе и США. В связи со стремительным ростом мирового населения, обещающего достигнуть уже 9,1 миллиарда к 2050 году, веганская диета, по мнению тех, кто её придерживается — просто необходимое условие для того, чтобы прокормить все население Земли. По мнению веганов, подобная

диета приводит к уменьшению загрязнения окружающей среды и истощения природных ресурсов. К примеру, количество зёрен, бобов, картофеля, овощей и т. п., которые можно вырастить на участке земли, по мнению автора нескольких книг о пользе вегетарианской диеты Джона Роббинса, в десятки и даже сотни раз превосходит количество мяса, которое можно получить при использовании этого участка для животноводства. Правда, при этом возникает вопрос – кому понравится жить в таком мире? И не есть ли в нем более важные вещи, чем выживание – человеческое достоинство и свобода, например?

Задумайтесь, ничего вам не напоминают эти веганы или велосипедисты, или противники меховой одежды? ... Правильно, религиозную секту. Причем тоталитарного характера.

Правительство ФРГ в листовке, которая раздается школьникам, выделяет следующие 17 признаков тоталитарных сект:

- 1. В группе ты найдешь именно то, что до сих пор напрасно искал. Она знает абсолютно точно, чего тебе не хватает.*
- 2. Уже первая встреча открывает для тебя полностью новый взгляд на вещи.*
- 3. Мироззрение группы ошеломляюще просто и объясняет любую проблему.*
- 4. Трудно составить точную характеристику группы. Ты не должен размышлять или проверять. Твои новые друзья говорят: - Это невозможно объяснить, ты должен пережить это — пойдём сейчас с нами в наш Центр”.*
- 5. У группы есть учитель, медиум, вождь или гуру. Только он знает всю истину.*
- 6. Учение группы считается единственно настоящим, вечно истинным знанием. Традиционная наука, рациональное мышление, разум отвергаются, поскольку они негативные, сатанинские, непросвещенные.*
- 7. Критика со стороны не принадлежащих к группе считается доказательством ее правоты.*

8. *Мир катится к катастрофе, и только группа знает, как можно спасти его.*
9. *Твоя группа — это элита. Остальное человечество тяжело больно и глубоко потеряно: ведь оно не сотрудничает группой или не позволяет ей спасти себя.*
10. *Ты должен немедленно стать членом группы.*
11. *Группа отграничивает себя от остального мира, например одеждой, пищей, особым языком, четкой регламентацией межличностных отношений.*
12. *Группа желает, чтобы ты разорвал свои “старые” отношения, так как они препятствуют твоему развитию.*
13. *Твои сексуальные отношения регламентируются извне. Например, руководство подбирает партнеров, предписывает групповой секс или, наоборот, полное воздержание.*
14. *Группа наполняет все твое время заданиями: продажей книг или газет, вербовкой новых членов, посещением курсов, медитациями...*
15. *Очень сложно остаться од ному, кто-то из группы всегда рядом с тобой.*
16. *Если ты начинаешь сомневаться, если обещанный успех не приходит, то виноват всегда окажешься сам, поскольку ты якобы недостаточно много работаешь над собой или слишком слабо веришь.*
17. *Группа требует абсолютного и беспрекословного соблюдения своих правил и дисциплины, поскольку это единственный путь к спасению.*

Листовка заканчивается предупреждением: “Если хотя бы один признак кажется тебе знакомым, БУДЬ ОСТОРОЖЕН!”

Сколько вы насчитаете пунктов из этой листовки, которые можно отнести к сообществу людей, занимающихся уменьшением личного потребления? Я насчитал 12 – более чем критическое количество...

Что самое главное – уменьшение потребления со стороны жителей развитых стран быстро перекрывается увеличением потребления в странах развивающихся, хотя бы в силу высокой рождаемости там. Соответственно, смысла в самоограничении нет никакого – антропогенное давление на биосферу

земли все равно не уменьшается, а растет, пусть на несколько процентов медленнее.

Что делать? Вначале подумать, не стоит ли потратить силы на решение проблемы перенаселения планеты. Потом увидеть, что такие решения есть и в основном заключаются в достижении женщинами развивающихся стран настоящего равенства с мужчинами. У свободных и умных женщин, как правило, мало детей. Если уж хочется что-то сделать для планеты, следует не питаться проросшими зернами, а научить соседку Фатиму овладеть достойной профессией, попутно рассказав о массе возможностей в этом мире для свободной женщины.

Социальная активность, казалось бы, хороша в любых формах – но это не так. Увлечение добровольчеством ведет к массовому разочарованию и получению в основном негативного опыта, что вызывает неприятие всех «зеленых» идей впоследствии...

Уборка мусора в местах массового отдыха приводит к тому, что поток отдыхающих на чистое место только усиливается. К тому же у отдыхающих возникает уверенность в том, что сорить можно – обязательно кто-то уберет. Правильное поведение: убрать место отдыха один раз и установить там постоянные посты, создав оборудованную всем необходимым зону отдыха с комплексом платных услуг. (Например – подземный музей в Саблинских пещерах, который создала общественная организация, именно так действует; заброшенный мраморный карьер в Карелии «Рускеала» тоже постепенно оборудуется силами общественников для цивилизованного посещения...)

Раздельный сбор твердых коммунальных отходов, воспринимаемый, как панацея, на самом деле способствует переработке мусора и в некоторых случаях – уменьшению платы за его вывоз. Но природе он не помогает, скорее – вредит, так – как возникает новая масса материала, нуждающегося в переработке с образованием новых отходов – но уже не твердых, а жидких или газообразных. Люди, пропагандирующие раздельный сбор, видимо, забывают о законе Ломоносова – Лавуазье. Переработка отходов без уменьшения производства товара и, соответственно, потребления, не способствует охране природы. На самом же деле при переработке отходов уменьшения потребления не происходит, напротив – отходы превращаются в новый товар.

Посадка деревьев, обустройство рекреационных зон хороши, если созданное трудом добровольцев оказывается под защитой. Если волонтеры оборудовали лесные стоянки, обустроили родники, а территория не охраняется, это означает, что все их усилия в течение месяца будут уничтожены местной шпаной.

Начинать надо с забора, это вам скажет любой хозяин. Если забора нельзя установить, все остальное – «мартышкин труд» и лучше им не заниматься, дабы не быть посмешищем.

А вот помощь диким и домашним животным, попавшим в беду – безусловно, очень полезный и благородный труд. Добровольцы – «айболиты» нужны очень!

К социальной активности относят также выявление нарушений природоохранного законодательства и сигнализирование о них в соответствующие органы. Для большего привлечения внимания активисты устраивают митинги, проводят пикеты, а также акции прямого действия – например, ломают по их мнению незаконно возведенный забор или поджигают делающий «не там» котлован эскаватор. Таким образом, возникает криминогенная обстановка, появляется куча посредников, о которых активисты и знать не знают, которые берутся «решить вопрос с протестующими» или просто берут плату «за нейтралитет»... Не говоря о том, что размываются моральные понятия – сломать чужую вещь оказывается можно, вломиться на чужую территорию – тоже можно, взломать чужой сайт, прочесть чужую почту... В общем, нарушение моральных норм оправдывается благой целью... Думаю, не надо объяснять, что все революционные убийцы начинали с этого.

К деструктивной деятельности экоорганизаций относится также клянчание из бюджета на, вероятно, важное, но не первоочередное дело. К примеру, нужно отремонтировать дома и дороги, но «экологи» требуют велосипедных дорожек и проката велосипедов. Теперь у нас есть прокат велосипедов, «как в Европе», и нет денег расселить коммуналки.

Правильный подход – не клянчить из бюджета, а его наполнять. И тут силы общественных организаций совершенно не прикладываются... Хотя перечисление возможностей воздействия общественности на наполняемость бюджета заняло бы десяток страниц.

Вершина общественной деятельности, достижимая лишь в профессиональных общественных организациях – изменение реальности в положительную сторону. Не запрещать, а строить, не клянчить денег, а напоять бюджет, не защищать интересы потребителей природы, а управлять и формировать эти интересы. Коротко перечислю подобные направления деятельности, не забывая, что любое из них может иметь и деструктивный характер – зависит в первую очередь от целей организации.

Проведение акций по формированию общественного мнения важный метод. Лучшим способом является убеждение сограждан в экономической выгоде лично для них предлагаемых «зелеными» решений.

Проведение общественных экологических экспертиз – причем правдивых, а не огульно отрицательных. Общественная экспертиза не защищает общество, а устанавливает для него истину.

Лоббирование создания экологических поселений, а в их лайт-варианте – просто поселений на природе, где горожане могут в комфортных условиях и на свежем воздухе вырастить новое поколение здоровых детей.

Общественные организации могут и сами создавать рекреационные зоны, оборудованные всеми нужными для отдыха вещами, параллельно жестко запрещая устраивать стоянки вне таких зон.

Экологи – общественники могут организовывать Особо охраняемые природные территории – заповедники, заказники, памятники природы – и затем внимательно следить за их состоянием, не перекладывая это на власть.

Разработка местных и республиканских законов и подзаконных актов, программ улучшения природной среды, лоббирование внедрения новых ресурсосберегающих технологий, планирование развития территорий в целях создания системы устойчивого развития также входит в возможности общественных экологических организаций...

И, с моей точки зрения, главная задача гражданской общественности: создание моделей поведения. Создание идеологии устойчивого развития в этике, эстетике, различных видах искусства...

Понятно, что между создателями идеологий и волонтерами, убирающими мусор, лежит огромная интеллектуальная пропасть. Большинству из волонтеров её не перешагнуть. Это я говорю к тому, что в экодвижении нужны не

озабоченные спасением природы – а просто умные люди. Которых среди озабоченных чем бы то ни было мне не встречалось...

На мой взгляд, экологическая деятельность в независимом общественном движении – это в первую очередь обучение применению норм экологического мировоззрения в повседневной жизни. Экологическое мировоззрение по сути является мировоззрением эсхатологическим и основано на осознании того, что человечество – часть глобальной “пищевой пирамиды”. Следовательно, человечество в целом и каждый человек в отдельности не может существовать, не разрушая природу и не убивая живые организмы. В ходе развития цивилизации человечество выработало ряд моральных систем, в подавляющем большинстве которых “все, что приносит смерть – зло, все, что служит к продолжению жизни – благо” (А. Швейцер). Следовательно, люди в большинстве своем признают, что убийство живых существ противоречит нормам морали, что существование человечества, равно как и жизни на Земле в целом, основано на убийстве и разрушении, которые считаются “необходимыми”, так как они служат к продолжению жизни. Но принесение смерти одним ради жизни других все равно является злом. Иначе таким постулатом можно оправдать любое преступление, в том числе и геноцид целых народов. Следовательно, практика существования человечества является аморальной.

В большинстве моральных и религиозных систем человечества признается двойственная сущность людей и наличие неразрешимых противоречий между их духовной сущностью и материальным (физическим) телом. Следовательно, понимание аморальности существования физического тела человека наличествует практически столько, сколько существует современная цивилизация.

В мире существует неизбежность смерти, следовательно, процесс жизни, основанный на смерти других живых существ, неминуемо оканчивается смертью его носителей.

Энтропия на Земле всегда возрастает, следовательно, любое человеческое действие, даже имеющее целью защиту природы и жизни, имеет отрицательный эффект, выражающийся в непрямом разрушении природы и гибели живых существ; причем совокупные последствия от данного отрицательного эффекта значительнее, чем прогнозируемые положительные последствия. Частный случай данного следствия – утилизация вторичного сырья не уменьшает количество отходов, но увеличивает их, только в иной форме. Побочное выводит

из сказанного: единственный действенный путь охраны окружающей среды состоит в бездеятельности (например, в отказе от продолжения рода, и т.д.), то есть априори невозможен для всех представителей человечества.

Если энтропия на Земле всегда возрастает, следовательно, антиэнтропийные (негэнтропийные) явления усложнения материи, нервной системы, мозговой ткани, сигнальных систем человеческой психики и так далее, приведшие к появлению современного человеческого разума, лишь кажутся антиэнтропийными, так как имеют локальный антиэнтропийный эффект, но на большом отрезке времени лишь увеличивают энтропию, что мы наблюдаем, изучая историю человечества. Возможный вывод: человечество является инструментом для многократного ускорения энтропийных процессов.

Природа всегда будет “сильнее” человечества. Человечеству никогда не овладеть силами, сравнимыми по мощи с Солнцем, так как биологический предел человека не позволяет ему произвести на планете энергии больше, чем 1% от падающего на нее солнечного света – в противном случае человечество погибнет от перегрева атмосферы. Нынешнее спокойное развитие цивилизации есть результат никогда ранее не имевшего места в истории Земли феномена “долгого лета”, длящегося уже 10 000 лет, при котором климат на планете стал стабильный и относительно мягкий. Следовательно, уничтожение цивилизации силами природы неизбежно, человечество никогда не будет в силах ему противостоять, и это лишь вопрос времени. Человек может ускорить процесс уничтожения цивилизации, но не сможет избежать его результатов.

Процессы, необходимые для существования человечества и ведущие к разрушению природы и убийству живых существ, аморальны, следовательно, неизбежная гибель человечества и (или) цивилизации не является абсолютным злом, так как разрушение аморальной системы не может быть злом.

Гипотетически разум может существовать на базе носителя, не включенного в пищевую пирамиду, и, следовательно, существующего без противоречия морали по Канту-Швейцеру (например, разумная жизнь может существовать в виде энергетических полей). Следовательно, хотя бы теоретически разум может быть свободен от осознания своего существования как противоречащего “категорическому императиву” Канта.

Возрастание энтропии во Вселенной не противоречит развитию разума вне белковых носителей, так как в ходе развития хаоса во Вселенной создается бесконечно сложное и бесконечно большое, единое в пространстве, информационное поле, генерируемое бесконечным разнообразием элементарных частиц, носителями информации в котором выступают элементарные частицы, не имеющие момента времени, а, соответственно, существующие (для них) вечно. Разум же возникает в процессе преодоления

порога усложнения любой структуры. (“В пределе разнообразие – это и есть хаос”: Н. Моисеев). (См. ссылку 10).

Гибель человечества неизбежна, но не является трагедией, так как человечество вполне осознает аморальность практики своего существования и признает (в лице своих духовных лидеров – пророков и философов) неизбежность и закономерность своего исчезновения, о чем свидетельствует эсхатология практически всех религий мира. Экстраполируя происходящие события в природе и учитывая, что данные энтропийные процессы имеют однонаправленный вектор, можно прогнозировать, что гибель современной цивилизации произойдет в исторически близкий нам период.

6. Заключение.

«План спасения» №2.

Во многих религиях мира духовная сущность людей бессмертна; следовательно, земная жизнь – лишь школа для развития творческих способностей тех, кого ждет в дальнейшем слияние с Творцом, Вселенским разумом, и так далее. Но, даже если душа не обладает бессмертием, экологическое мировоззрение, равно как и религиозное эсхатологическое мировоззрение, помогает понять, как надо жить и действовать, твердо зная, что будущего не будет.

Надо просто делать то, что считаешь нужным, делать вне зависимости от того, имеет ли это смысл в отсутствии многолетней перспективы. (Пример - сажать деревья правильно не потому, что они будут полезны для ваших внуков; возможно, внуков и не будет, а потому, что сажать деревья – нравственно). Считаю, общественная деятельность в экологическом движении сейчас – всего лишь набор правильных норм поведения человека перед лицом обстоятельств непреодолимой силы. Правда, из этого не следует, что она должна быть абсурдной – все же приложить свои силы хочется с достижением хотя бы временного положительного результата, пусть даже заранее зная о невозможности изменить гибельную ситуацию. Еще раз вспомним труд П. Тейяра де Шардена, с упоминания которого мы и начали наш разговор: «Выполнять порученную нам задачу — двигать вперед ноогенез - мы согласимся лишь при одном условии, чтобы требуемое от нас усилие имело шансы на успех и повело нас как можно дальше. Животное может очертя голову ринуться в тупик или к пропасти. Человек никогда не сделает ни одного шага в направлении, которое, как он знает, бесперспективно. Вот он как раз тот недуг, который нас беспокоит.

...что же требуется как минимум, чтобы лежащий впереди нас путь мог быть назван *открытым*? Только одно — но это *все*. Чтобы нам были обеспечены место и возможности реализовать себя, то есть, прогрессируя (прямо или косвенно, индивидуально или коллективно), раскрыть *до предела самих себя*».

Именно этого и лишено нынешнее поколение землян. Во всяком случае, землян, умеющих думать, являющихся носителями категорического императива, и способных двигаться вперед. Их мало, но во все века именно они развивали цивилизацию, «двигая вперед ноогенез». Остальные, подавляющее девяностодевятипроцентное большинство, никогда не поймут, почему это всё вдруг кончилось, и что им, этим высоколобым, надо. Ведь можно по-прежнему наслаждаться вкусом еды, лучами Солнца, лаской женщины, по-прежнему «болеть» на стадионах, танцевать, читать, говорить с друзьями, петь, писать стихи, путешествовать... Но осознание, что всё кончится ничем, и, более того, по совести, такой конец справедлив, лишает всякой перспективы тех, от кого зависит продолжение цивилизации ...

И только понимание экологических законов «даёт возможность обеспечить место и возможность реализовать себя», не обращая внимания на грядущее Ничто.

«Все кончится ничем»

Мы привыкли видеть опасность для человечества лишь в действиях самого человечества. Считаем, что глобальная катастрофа может быть только рукотворной и её может вызвать, например, атомная война или техногенный экологический кризис. На самом деле естественных причин для гибели земной цивилизации тоже хватает с избытком.

Конечно, на первом месте - астероидная опасность. Периодически на нашу планету падает из космоса довольно крупный булыжник и это так же неизбежно, как восход Солнца. Животные и растения гибнут в пламени и следующими за пламенем льдами, а оставшиеся в живых начинают всё с начала. Вокруг Земли открыто более 100 000 астероидов. Один из них - Апофис - в 2029 году, в пятницу, 13-го апреля, пролетит довольно близко к Земле. И если в этот раз катастрофа планету минует, под влиянием притяжения Земли астероид изменит свою орбиту и в следующий раз пролетит ближе...

Ледниковый период - ещё одна неизбежная неприятность для человечества. Сейчас на "геологическом календаре" планеты - межледниковье, короткий период между обледенениями. Геологи считают, что такие периоды продолжаются примерно 10 тысяч лет. Наш длится уже тринадцатое тысячелетие. Ученые всё чаще начинают говорить о регистрируемых признаках

подготовки природы к возвращению льдов. А новый ледниковый период не пережить ни в каком убежище - во время последнего оледенения на месте нашего города был слой льда толщиной в километры.

Оледенение может начаться вследствие катастрофического извержения вулкана - такого, как то, что произошло 73 тысячи лет назад на острове Тоба. Тогда вулканическая пыль закрыла Солнце на несколько лет. Растительность суши погибла, за исключением экваториальных зон. С нею погибло 90% видов живых существ. Человеческие особи чудом пережили этот период. Климатические условия после этой катастрофы были настолько суровы, что численность человечества не менялась на протяжении 20 тысяч лет. Подобные извержения случаются в истории нашей планеты с завидной регулярностью, примерно раз в 50 тысяч лет. Так - как этот срок давно прошел, обратим внимание на вулканы - вторые после астероидов кандидаты в "разрушители цивилизации". В первую очередь это, конечно, Йеллоустонский вулкан, взорвавшийся уже в десяти фантастических фильмах. Но не меньшую тревогу вызывают у нас и пара Эльбрус-Казбек, о пробуждении которых вулканологи предупреждают с 70-х годов прошлого века. Взрыв подобной силы и "вулканическую зиму" за ним цивилизация не переживёт - хотя бы потому, что запасов еды не хватит на несколько неурожайных лет.

Хотя для того, чтобы исчезла еда, не нужно взрываться вулканам. Достаточно, чтобы исчезли пчелы, опыляющие большую часть культурных растений. А исчезновение пчёл, начавшееся с 60-х годов прошлого века, продолжается. В среднем по миру пчел в пересчете на гектар стало меньше на 50%, а в США - на 90%. И хотя переносить пыльцу может ветер, а также другие насекомые, пророчество Альберта Эйнштейна о том, что человечество погибнет через четыре года после того, как умрёт последняя пчела, вполне может сбыться.

Но умирают и исчезают с лица Земли не только пчелы. Европейская раса стремительно стареет. Новых детей рождается в два раза меньше, чем надо, чтобы покрыть естественную убыль - то есть в среднем по "полтора ребенка" на семью. Это означает, что к 2050 году (если человечество переживет прилёт Апофиса) в мире останется примерно 450 миллионов европейцев, (примерно 5% от всего населения планеты) и половина из них будет старше 50 лет. Исчезновение европейцев, уже математически спрогнозированное и практически неизбежное - вызовет изменение характера всей цивилизации. Собственно, можно сказать, что той цивилизации, к которой мы привыкли, больше не будет.

В общем, опасностей столько - много больше, чем здесь перечислено - и они такие разные, что можно с уверенностью сказать лишь одно: цивилизация обречена, и причины её гибели будут вполне естественны. Видимо, срок существования планетарного разума изначально недолог.

На фоне такого вывода все наши сиюминутные хлопоты, программы и проекты, заявления и резолюции, могут показаться не существенными. Но мне кажется, это всё же не так. Мы все смертны. Но это же не причина не лечить насморк. Да, здесь, на нашей планете, всё кончится Большим Ничем. Но из этого не следует, что мы должны жить в постоянном страхе перед неожиданной и неизбежной катастрофой.

Если считать, что человек - лишь белковый организм, всем трудам которого поставлен предел природой, то тогда, конечно, мы никогда не найдем смысла ни в жизни каждого, ни в существовании всех. Но если мы - нечто большее, чем разумные сгустки материи на глиняном шарике, несущемся сквозь неопределимо холодную пустоту, то, что же - тогда у нас есть надежда.

Приложение.

Северо-Западный Зеленый Крест

Программные тезисы.

1. Признавая, что в современном мире человечество не может рассчитывать на резкое уменьшение потребления природных ресурсов, принимаем, что основное направление защиты окружающей среды заключается в развитии технологий, ведущих к повышению КПД двигателей и увеличению глубины переработки как первичного, так и вторичного сырья.
2. Признавая, что наиболее эффективной формой управления территорией является частная собственность, выступаем за всяческое ограничение государственной собственности на природные ресурсы и на передачу в частную (индивидуальную или общественную) собственность всех видов природных ресурсов.
3. Для снижения нерациональных расходов бюджета предлагаем ввести порядок безусловной платности использования любых природных ресурсов по принципу «кто пользуется, тот и платит», как для юридических, так и для физических лиц, как в целях добычи природных ресурсов, так и в целях рекреации.
4. Признавая, что разрушение инфраструктуры в малых населенных пунктах превышает возможности бюджета по её восстановлению, в качестве последней меры для предотвращения катастрофы предлагаем бесплатно

передать системы водоподготовки и водоотведения в собственность населения.

5. Для создания полноценного самоуправления на местном уровне и охраны зеленых насаждений внутри селитебных зон предлагаем передать придомовые территории в коллективную собственность жильцов домов.
6. Для снижения антропогенной нагрузки на природные территории, развития загородной инфраструктуры и частного жилищного строительства, а также повышения уровня жизни населения, в обязательном порядке передать каждому гражданину РФ по 1 гектару земель в бесплатную, не облагаемую налогами, неделимую (по принципу майората) собственность без всякого дополнительного обременения на расстоянии не более 120 км от постоянного места жительства данного гражданина.
7. Для обеспечения здоровья будущих поколений предлагаем создать условия для массового развития загородных поселков постоянного проживания, где дети могли бы проводить первые семь лет жизни, путем включения создания подобных поселков в планы развития территории, выдаче льготных кредитов для ИЖС, и прочим мерам, в перспективе ведущим к расселению крупных (более 1 млн. населения) городов.
8. Для уменьшения антропогенного влияния на природу предлагаем провести обустройство в достаточном количестве рекреационных территорий, подготовленных для организации стоянок отдыхающих, разведения косторов, с пунктами оказания отдыхающим необходимых услуг, с организованным вывозом мусора, и так далее; одновременно с этим предлагаем безусловно запретить использование иной лесной и сельскохозяйственной территории для обустройства стоянок отдыхающих.
9. Для создания устойчивого экологического каркаса территории предлагаем довести площадь особо охраняемых природных территорий – заказников, памятников природы, национальных и природных парков, заповедников – до 50% от площади региона (за вычетом селитебных территорий). Предлагаем законодательно внести понятие «частная особо охраняемая территория» и на основании частной собственности на природные ресурсы поддерживать создание частных природных парков.

10. Для рационального использования природных ресурсов предлагаем в скорейшем времени внедрить в переработку вторичного сырья имеющиеся наилучшие доступные технологии с целью обеспечения 100% переработки всех видов образующихся отходов; принять меры к развитию рынков сбыта продукции из вторичного сырья.

ССЫЛКИ В ТЕКСТЕ:

1. <http://do.gendocs.ru/docs/index-141431.html?page=6#4105272>
2. <http://www.grishino.ecology.net.ru/>
3. <http://lib.rus.ec/b/114695>
4. <http://www.index.org.ru/journal/12/yanitsk.html>
5. [http://www.u-shevchuk.ru/index.php?id_c=3;](http://www.u-shevchuk.ru/index.php?id_c=3)
6. «Управление Будущим» С. Барановский, В. Богачев, Ю. Шевчук. 1997
7. О. Яницкий. Досье инвайронменталиста. Очерк интеллектуальной биографии. <http://www.isras.ru/files/File/publ/Yanitsky.pdf>
8. <http://www.green-cross.net/content.php?content.7>
9. http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B5%D0%B2,%D0%92%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B9_%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87
10. «Восхождение к разуму», Н.Н. Моисеев, 1993 г., стр. 31.

Список сокращений.

ДОП – Дружина охраны природы

ЗД – «Зеленая Дружина» биолого-почвенного факультета ЛГУ

ВООП – Всероссийское Общество Охраны Природы

ЛГУ – Ленинградский Государственный Университет

РЗД – Российское Зеленое Движение

СоЭС – Социально-Экологический Союз

ВГТРК – Всероссийская Государственная Телерадиокомпания

ВЛКСМ - Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи

БСБ – Борьба с браконьерством

Оглавление.

1. Вступление

- Начало. Оперативная работа
- 2. «Зеленое Движение» в СССР (до перестройки).
 - Кто есть кто
 - Романтики
 - Прагматики
 - Немного о конце света
- 3. «Зеленое Движение» в СССР во времена перестройки.
 - Предвестники кризиса
 - Перестройка
- 4. «Зеленое Движение» в России до 2000 года
 - Дети капитана Гранта и птенцы Джорджа Сороса (часть первая)
 - Корни травы
 - «План спасения №1»
- 5. «Зеленое Движение» после 2000 года.
 - «Полевение», или имитация гражданского общества как форма досуга
 - Смена целей
 - Конструктив: успехи и предел возможностей
 - Птенцы Джорджа Сороса и дети капитана Гранта (часть вторая)
 - Почему же мы продолжаем работать
- 6. Заключение
 - План спасения №2
 - «Всё кончится ничем»